

Искорка

НАШ ВОЛХОВСТРОЙ

На стече бревенчатой картины
Я запомнил в давние года:
Ленин, а за ним через плотину
Синими волнами катится вода.

В поезде, летящем к Ленинграду,
Светлого мальчишеской порой,
Я услышал чей-то возглас рядом:
— Братцы, поглядите — Волховстрой!

Годы, годы — я смотрю в их лица.
Много было трудовой срады,
Много утратило, как говорится,
Над плотинами волховской воды.

И в окне открытом, словно в раме,
Рыбные раздвинув берега,
Коломкаясь пенными буграми,
Вертикально падала река.

Я люблю метки, что испалины.
Это вас поёт моя строка,
Волховская внуки — исполны,
Вставшие в России на века!

Л. Калугин

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания XI

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

№ 3

Март 1967 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

А. Крестинский

М А Р Т

Март! Март! Март! Март!
Разогрелись крышки парт!
Разукрасила дома
Голубая бахрама!

Март! Март! Март! Март!
Воробьи вошли в азарт:
С тротуара — на карниз,
«Чик-чирик!» и пулей вниз.

Март! Март! Март! Март!
Мухи выползли на старт:
Собирают силушки,
Расправляют крылышки.

Март! Март! Март! Март!
Ярче зелень школьных карт!
Дольше прежнего урок,
Звонче прежнего звонок!
Дзинь!

Рис. Г. Ясинского

Тряпочка в левом рукаве

I

ЧТО самое страшное в жизни?

Я думаю, самое страшное — это узнать, что твой товарищ — вор. Нас тридцать два человека, и один из нас — вор. Потому что вчера, придя домой, я не нашла в портфеле фотоаппарата. Только вчера мне его подарил папа.

Я успела сделать всего шесть снимков, и вот фотоаппарата нет. Папа заплатил за него тридцать шесть рублей — целая треть его зарплаты. Он должен был работать десять дней, чтобы подарить мне аппарат, о котором я так давно мечтала. И я не смогла сказать ему о пропаже, хотя знаю, что папа не стал бы меня ругать.

И всё-таки самое страшное — это думать о том, что кто-то из моих друзей — вор. То, что у меня есть новенький аппарат, в классе знали все. Я не могу и не хочу никого подозревать — лучше уж пусть совсем не будет этого аппарата, лишь бы не позор, который переживём мы все, если ворышка найдётся.

У нас никогда ничего не пропадало. И вот всё-таки нашёлся слабый человек...

Зря я рассказала об этом своей самой близкой подру-

ге — Людмилке Погожиной. Утром, когда я пришла в школу, класс гудел. Увидев меня, все замолчали. Володька Ершов подошёл ко мне и, глядя в глаза своими колючими, злыми глазами, спросил:

— Это верно, что у тебя вчера свистнули аппарат?

— Да.

— Когда ты это заметила?

Я не ответила. Мне хотелось плакать. И вовсе не потому, что пропал аппарат (хотя мне его тоже было очень жалко!). А потому, что я боялась, что вор найдётся...

— Зачем всё это? — спросила я.

— Так я и знал! — усмехнулся Володька. — Души прекрасные порывы и всё такое прочее. Типичная интеллигентность. Нет уж, вора мы найдём, будь спокойна, и тогда...

Я представила, что будет «тогда». Но как я тогда буду по-прежнему верить в дружбу?

— Это кто-нибудь просто пошутил, — выдавила я из себя. — Ну, шутка получилась глупая...

Я даже попыталась улыбнуться, но почувствовала, что улыбки у меня не вышло. Ну никак не вышло. Губы у меня дрожали, и я просто не могла улыбаться этими проклятыми дрожащими губами. Хорошо,

что в класс вошёл Николай Фёдорович, иначе я бы всё-таки расплакалась в три ручья.

Мы расселись, и Николай Фёдорович, который, как мне кажется, знает решительно всё на свете, спросил:

— В шестом «б» что-то произошло?

— Да, — сказал Володька.

— Что именно? — поинтересовался Николай Фёдорович.

— А то, — ответил Володька, — что у нас в классе есть

вор, и я лично не могу заниматься спокойно, пока он здесь. У Гали Уваровой вчера украли фотоаппарат...

Николай Фёдорович почему-то посмотрел на часы, словно проверил, на месте ли они, и, нахмурившись, положил обе руки на стол. Мне нравятся его руки. Большие, с сильными пальцами, как будто Николай Фёдорович не учитель математики, а такой же рабочий, как мой папа.

— Так, — сказал он. — В таком случае сегодня урока не

будет. Что же вы решили делать?

— Как что? — вспыхнул Володька. — Пойти в милицию и...

— А ты как думаешь? — повернулся ко мне Николай Фёдорович.

— Я не хочу... — сказала я. — Не хочу, чтоб была милиция... Честное слово... Пусть лучше не будет этого аппарата, чем...

И вот тут я расплакалась. Я плакала, положив голову на холодную парту, а Николай Фёдорович встал и подошёл ко мне.

— Успокойся, — сказал он. — Я понимаю тебя. Мне тоже будет тяжело, если я узнаю, кто именно из ребят украл у тебя.

— Николай Фёдорович! — крикнул Володька. — Вы хотите... Значит, пусть украл, и концы в воду? Да? Вы же сами учили нас идти до конца, как бы тяжело ни было... Что же вы советуете сейчас?

— Я? — переспросил Николай Фёдорович. — Видишь ли, Володя, мне, может быть, трудно судить об этом... Я ведь в вашем возрасте сам однажды... украл.

Стояла такая тишина, что было слышно, как в соседнем классе кто-то отвечает урок. Я подняла голову. Николай Фёдорович кивнул мне — «подвинься» — и сел сбоку, повернувшись к классу.

— Вы? — почему-то шёпотом спросил Володька.

— Да, представь себе. Хотите — могу рассказать.

Было совсем тихо, и Николай Фёдорович начал рассказывать...

II

...ДА, мне было столько же, сколько и вам, — тринадцать. Село, где я жил, спалили гитлеровцы, а всех жителей расстреляли за связь с партизанами. Я спасся чудом. Просто упал на какую-то секунду раньше, чем фашисты начали стрелять, и пуля только содрала кожу у меня с головы... А ночью я уполз в лес и через два дня попал к партизанам...

Я стал связным. Конечно, никакого оружия у меня не было. И командир партизанского отряда Григорий Ильич Козаков, которого все называли «Седой», как-то раз сказал мне:

— Вот ты всё время клянчишь автомат или пистолет. Я могу тебе дать хоть два автомата или даже ручной пулемёт, но ты пойми — у тебя самая ответственная партизанская профессия. И самая опасная. Партизан с оружием может защитить сам себя, а твоё оружие — хитрость. А вот его-то в нашем лесном арсенале не имеется. Ты должен вырабатывать его сам. И, честно говоря, я не знаю, какое оружие более грозное.

С тех пор я перестал просить, чтобы мне дали ППД или хотя бы трофейный «Вальтер».

Я ходил много. Был я ободранным и грязным. Это тоже была хитрость. На умытого и более

или менее прилично одетого паренька сразу обратили бы внимание. Я приходил в Лугу, где у меня было две явки, передавал одни сообщения и выучивал наизусть другие. Никаких бумажек с записями у меня, разумеется, не было. А потом снова уходил в отряд.

На случай, если бы меня задержали и начали расспрашивать, «Седой» заготовил, а я выучил так называемую легенду. Живу, мол, в деревне Торошковици, а иду к тётке, потому что она теперь мне единственная родственница... На всякий случай в шапке у меня лежал табель ученика 5-го класса Торошковицкой неполной средней школы на имя Василия Лопухова. Посредственно учился этот Василий Лопухов, что ни предмет — то трючка... Но мне было важно, чтобы на всякий случай такой документ был при мне...

К осени сорок третьего года моя одежонка оборвалась так, что носить ватник стало просто невозможно. Случалось, что ночь заставляла меня в лесу, и тогда я начинал мёрзнуть. Хорошо ещё, здоровье у меня было крепкое, и я даже не простужался. Но «Седой», увидев меня в этих лохмотьях, покачал головой и сказал:

— Определённо пора в музей твоему ватнику. Скидывай эту живопись, а мы найдём чего-нибудь получше.

С меня сняли мерку, и всю ночь портной отряда тётя Надя шила мне куртку из старого солдатского одеяла. Куртка вышла на славу, только, если

поднять воротник, шею и щёки словно бы начинал кусать острый рой: одеяло было жёстким и колючим.

Короче говоря, утром я был торжественно обряжен в новую куртку, и «Седой», попросив всех выйти из землянки, сказал:

— Ну, вот что, Николка. Дуй в Толмачёво на новую явку. В левом рукаве куртки у тебя зашита тряпочка. Пусть достанут и прогладят утюгом. Ответ получишь таким же способом и сразу двигай обратно. Понял?

Он обнял меня, как всегда обнимал на дороге, и я пошёл.

Хорошая была эта, куртка! В лесу на палой листве уже серебрился иней. Грибы стояли чёрные, замёрзшие, а на лужицах срастались иглы льда. Мне же было легко и тепло. За день я прошёл примерно половину пути, переночевал в лесу, а утром вышел на дорогу.

По дороге шла лошадь, запряжённая в телегу. Возница дремал, и я не стал будить его, а просто забрался сзади в телегу и лёг на сено. Возница даже похрапывал себе под нос, а лошадь шагала и шагала, и я понял, что она знает дорогу домой, а эта дорога шла прямо в Толмачёво.

Я и сам задремал на мягкой соломе и очнулся от толчка. Лошадь остановилась. Возле телеги стояли три полицаи. Возница, сонно мигая глазами, глядел на меня, и полицаи тоже глядели на меня.

— Это твой, что ли? — спросил один из них возницу.

— Ни боже мой! Первый раз вижу. На дороге, должно быть, в телегу забрался, ока-
анный.

— Точно, на дороге, — под-
твердил я.

— А я и не слышал.

— Точно, не слышал, —
подтвердил я. — Спали вы
здорово!

— А ну слазь! — крикнул
мне один из полицаев. Он бы-
стро обыскал меня и, конечно,
ничего не нашёл, кроме куска
хлеба, табеля да двух коричне-
во-жёлтых грязных бумажек —
оккупационных марок. Деньги
он тут же сунул себе в карман,
а табель, повертев в руке, про-
тянул другому полицая:

— Читай, что написано.

Я понял, что этот, который
ходил у них в главных, был
просто неграмотным.

Второй полицай прочитал
вслух весь мой табель, и глав-
ный, присвистнув, сказал:

— Ишь ты! Только по пове-
дению, значит, отлично? Ну,
посмотрим, какого ты отлично-
го поведения. Ты, дядька, да-
вай езжай с богом, а парня мы
пощупаем, кто он есть.

Он толкнул меня так, что я
полетел на замёрзшую, креп-
кую, как камень, землю. По-
том щёлкнул затвором винтов-
ки и приказал подняться. «Вот
и всё, — подумалось мне. —
И задание не выполнил». Че-
стное слово, умирать в ту ми-
нуту мне было не страшно.
Просто я не верил, что могу
умереть.

— Погоди, — сказал второй
полицай. — Курточку жалко.
Кровью запачкаешь. Я её луч-

ше сынишке отдам. Эй, ты, сы-
май курточку.

Я медлил. Тогда, подняв ме-
ня с земли, полицай изо всей
силы ударил меня в голову.
Перед глазами поплыли жёл-
тые и зелёные круги. Он уда-
рил ещё раз, и я обмяк в его
руке, которой он придерживал
меня.

— Сымай, говорю!

Он снял с меня куртку. Я си-
дел на дороге в одной рубашке
и не чувствовал холода. «Тря-
почка в левом рукаве, — сту-
чало в мозгу. — Тряпочка в ле-
вом рукаве...»

— Кончать его, что ли? —
спросил полицай, складывая
мою курточку.

— Сам сдохнет, — усмех-
нулся главный. — Пошли.

Тогда я пополз за ними по
дороге. Я полз, плакал и кри-
чал, что мне холодно, что боль-
ше у меня ничего нет, что эту
курточку мне мамка подарила,
а они уходили и, оборачиваясь,
хохотали во всё горло. Им нра-
вилось, что я ползу за ними
по дороге. Они были очень до-
вольны, даже подзывали меня,
как подзывают собачонку...
Они думали, что мне в самом
деле жалко эту курточку, а
мне надо было другое — знать,
где живёт этот полицай...

Они вошли в Каменку —
большое село. Я издали видел,
как все трое остановились, по-
говорили о чём-то, а затем
«мой» полицай с курточкой от-
крыл калитку и прошёл в па-
лисадник. Большая, уже со-
всем голая берёза росла возле
дома — хорошая примета да-
же в темноте...

Но до ночи было ещё далеко. Меня бил озноб. Голова болела отчаянно. Больше всего на свете мне хотелось лечь и уснуть, но уснуть сейчас означало замёрзнуть. И, чтобы не замёрзнуть, я забрался в

облётевшую густую рошу, нашёл маленькую поляну и начал бегать по кругу. Пять кругов в одну сторону, пять в другую. Отдышусь — и снова: пять в одну сторону, пять в другую.

Наступила темнота, а я всё бежал и бежал. И только тогда, когда ночь стала совсем густой, осторожно выбрался на дорогу.

В селе не было видно ни огонька. Казалось, оно вымерло. Не слышно было собачьего лая — по всем деревням давно уже пристрелили всех собак. Я быстро нашёл большую берёзу. Она смутно белела в глубине палисадника и казалась столбом, подпирающим чёрное беззвёздное небо.

Обычно в деревнях запоры обыкновенные — на скобу набрасывают закладку, вот и всё. Открыть такую дверь дело нехитрое — просунешь ножик или просто какую-нибудь щепку, потянешь вверх, и дверь открыта. Но я подумал, что полицейский устроил на своих дверях не один запор, всё-таки должен же он бояться темноты, совесть у него нечистая... Окна в доме были прочно закрыты ставнями, а ставни запирались изнутри... Можно было бы пробраться в дом через хлев, но и хлев оказался на прочных запорах. Разобрать часть крыши? Слишком много шума. Через трубу? А ну как застряну... Тогда верная смерть от пули.

Я не знаю, сколько времени ходил вокруг дома крадучись, так, что не слышал своих собственных шагов. В который раз я поднялся на крыльцо. И замер, услышав шум в сенях.

Кто-то загремел засовами с той стороны двери. Я прижался к косяку. Наконец дверь распахнулась, и человек вышел на крыльцо.

Это был полицейский. Он стоял совсем рядом. Я мог протянуть руку и дотронуться до него. Я даже чувствовал, чем от него пахнет — махоркой, сивухой и луком... Винтовка была у него закинута за плечо, и он не спешил уходить. Он закурил, прикрывая ладонями огонь, и это было хорошо, — даже если он обернётся, то не сможет увидеть меня. Если ночью поглядишь на огонь, а потом вокруг себя, то вообще ничего не увидишь...

— Эй! — крикнул он. — Ты скоро?

— Сейчас, — раздался из дома недовольный голос. — Босой я. Сапог не найти.

— Я пошёл, — снова крикнул полицейский. Он спустился с крыльца и словно бы растворился в темноте. По замёрзшей земле простучали его сапоги, потом скрипнула калитка. А я юркнул в сени и забился в угол.

Мимо меня кто-то прошёл, запер дверь. Теперь я был закрыт в сенях, и мне оставалось одно — ждать.

Я опустил на пол. Здесь было тепло, и глаза начали закрываться сами. «Не смей спать, — твердил я себе. — Не смей спать». А спать всё равно хотелось.

Тогда я встал. Из дома доносилось посапывание, чей-то простуженный кашель. Нет, ещё рано... Прошло ещё полчаса или минут сорок. Я осторожно пошёл вдоль стены и наткнулся на дверь. Она была не заперта. Я потянул ручку на

себя, и дверь открылась с лёгким скрипом.

Я прошмыгнул в узкую щель и снова пошёл вдоль стены. Конечно, мне просто повезло, что я наткнулся прямо на мою курточку. Она висела на гвозде, и я снял её. Приложил к щеке — кусается: значит, моя! Теперь можно и обратно. Но я ушёл не сразу. «Хитрость — твоё оружие», — вспомнились мне слова «Седого». Конечно, если я уйду с одной курточкой, полицией сразу сообразит, кто её украл. И вот, чтобы отвести эти подозрения, я начал тихо шарить в темноте. Нашёл на столе что-то мягкое, понюхал — пахнет салом, сунул в карман. Нашёл сапоги на полу, сунул под мышку (потом я их спрятал в канаве). Наткнулся на комод, открыл ящик — шуршат бумажки. Собрал их и тоже в карман. Это оказались деньги, оккупационные марки. Короче говоря, выбрался я на улицу уже через хлев и дал дёру. А утром следующего дня уже был в Толмачёве.

Впрочем, курточку пришлось сжечь. Командир не мог себе простить, что она была такая заметная. Дали мне потрепанный ватник.

А деньги... На те деньги, что я украл у полиция, можно было купить коробков пять спичек, не больше. Да и их я отдал товарищу на явке, — мне-то в лесу деньги ни к чему...

III

НИКОЛАЙ Фёдорович замолчал, молчали и мы.

Наконец кто-то из ребят сказал:

— Это не кража вовсе, это даже... подвиг.

И тогда зашумели, заговорили, загалдели все разом. Никто не знал, что наш Никфёд (так мы звали Николая Фёдоровича) был партизаном. И все словно бы забыли, с чего всё это началось — с того, что у меня вчѐра украли фотоаппарат...

— Так что же всё-таки делать нам? — спросил наконец Володька.

— Я не хочу давать вам никаких советов, — сухо ответил Николай Фёдорович. — Мне отвратительна сама мысль о том, что среди вас есть вор. Разберитесь сами. Вы уже не маленькие.

Он взял свой портфель и ушёл.

День тянулся медленно, как будто нарочно издеваясь надо мной. На переменах я уходила в читальный зал, чтобы не слышать, как спорят и кричат ребята. И вздохнула только тогда, когда уроки кончились...

По дороге домой Людмила спросила меня, как будто больную:

— Тебе завтра дежурить. Хочешь, я отдежурю за тебя?

— Что за новости! — сказала я.

— Ну, всё-таки...

— Ты думаешь, раз у меня аппарат украли, так и жизнь кончилась?

Мы долго шли молча, потом Людмила сказала:

— Ты знаешь, я думаю, это украл...

— Замолчи! — крикнула я. Она удивлённо посмотрела на меня, пожала плечами и до самого дома не сказала ни слова.

Утром я пришла в класс первой. Открыла окна. Подмела пол. Полила цветы. Должно быть, я пришла слишком рано. Мне больше нечего было делать, и я села на своё место. Сунула портфель в парту и почувствовала, как он на что-то наткнулся. Я протянула руку и вынула свой фотоаппарат. Вчера его здесь не было. Значит... Значит, кто-то был здесь раньше меня.

Первым появился Володька.

— Жаль, — сказал он.

— Чего тебе жаль?

— Что вора не нашли. Хотя, наверно, если произвести экспертизу и снять у всех нас отпечатки пальцев...

— Перестань, — попросила я. — Видишь, всё-таки оказалась у человека совесть.

— Совесть! — фыркнул Володька. — Да если бы Никфёд не рассказал нам свою историю, чёрта с два у него оказалась бы совесть... А знаешь, — добавил он, — мне кажется,

Никфёд нам специально рассказал про эту курточку. Из педагогических соображений. А?

Я не ответила. Из-под застёжки кожаного футляра торчал острый уголок какой-то бумажки. Я открыла футляр и развернула бумажку. Чёткими печатными буквами там было написано:

«Галя! Прости меня. Это случилось со мной в первый и в самый последний раз. Даю тебе и ребятам честное слово».

Подписи не было.

И не надо.

Хорошо, что её не было.

— Трус, — снова презрительно фыркнул Володька. — Но ты в общем-то права. Совесть не потеряна, и то слава богу. А вот мог бы он... или она... ночью, в дом к полицаю... за курточкой?.. Или, вернее, за тряпочкой в левом рукаве?

Он спросил, а я посмотрела на него, на его колючие глаза, короткий, чуть вздёрнутый нос, и почему-то подумала, что Володька, наверно, смог бы. И от этого мне сразу стало как-то очень легко и спокойно...

Всё началось с того, что моя бабушка Полина Фёдоровна однажды сказала:

— Положил бы ты, Володя, на крышу колесо от телеги, на всякий случай...

— Зачем?

— Может, аисты прилетят. Аисты, в народе говорят, к счастью...

А моя бабушка знает всё, что говорят в народе.

Я только спросил:

— Для чего колесо?

— На колесе они гнёзда вьют.

А мне очень хотелось счастья. Как и всякому. Лично для меня счастье — совершить кругосветное путешествие, а для моего лучшего друга Кольки Рыжего — комплект марок Новой Зеландии. Ну и, кроме того, иметь на крыше собственного аиста было очень заманчиво. Поэтому мы с Колькой немедленно положили на крышу по колесу. И стали ждать. Два года мы прождали напрасно. Нельзя, однако, сказать, чтобы они прошли совсем без счастья. Я съездил в Артек и побывал в Ленинграде, а Николаю до полного комплекта недоставало уже

всего двух марок. Правда, по его словам, самых редких.

На третий год весна выдалась ранняя. К концу февраля начал таять снег, и как-то поутру мы одновременно услышали знакомые звуки. Знакомые — по описаниям, потому что в жизни мы ещё ни разу не слышали, как трещит своим клювом аист.

Два аиста, как два парашюта, повисли над нашим селом. Несколько минут они как бы раздумывали: остаться или лететь дальше? Потом они совершили посадку прямо на мою крышу. Честное слово!

Колька, ничего не говоря, ушёл домой. Мне даже стало его жалко. Правда! Я подумал, что, может быть, прилетят ещё новые аисты и тогда уже непременно достанутся ему...

А мои аисты сразу же приступили к делу — начали строить дом. С самого утра они вылетали на работу и возвращались по многу раз на день со строительными материалами в клюве. Через неделю они соорудили гнездо, справили новоселье и зажили. А ещё через несколько

дней окончательно освоились и бесстрашно разгуливали по двору. Наша собака Валет сразу же признала новых жильцов, и у них наладились добрососедские отношения. Что же касается серого кота и индюка по кличке Хам, то произошли два незначительных столкновения, из которых новосёлы вышли бесспорными победителями. Кот подошёл к аистам, выгнул спину и, пугая, зашипел. В ответ аисты так зашипели на него дуэтом, что бедный кот разучился шипеть на всю жизнь. Индюк тоже подошёл к птицам и начал угрожающе раздуваться. Тогда один из аистов слегка долбанул его клювом. Индюк не нашёлся, что ответить, и проворно отскочил в сторону.

Так аисты прописались в нашем доме.

Всё это время Рыжий Колька почти не разговаривал со мной. Я на него не в обиде. На его месте я бы и сам завидовал не меньше. Наконец он не выдержал и заговорил:

— Пора уже подумать об имени.

— Каком имени?

Колька неопределённо повёл плечами.

— У каждого должно быть имя, — наставительно сказал он. — Вот, например, вашу собаку зовут Валет. Так?

— Так.

— А тебя — Володя...

Я подумал, что хорошо бы треснуть его по шее, но сдер-

жался. Не потому, конечно, что он сильнее меня, а просто так, не хотелось ссориться.

— Вот я и говорю, — как ни в чём не бывало продолжал Колька. — Аистов нужно назвать.

— Нужно! — сразу же согласился я. — Он — Николай, она — Тамара.

Тамару Колька иногда провожал из школы, хотя им было вовсе не по дороге. Это заметил не только я. Это заметили все. И недаром сейчас Колька густо покраснел! Но тут вмешалась моя бабушка. Полина Фёдоровна. Она, оказывается, не только знала всё на свете, но и всё видела и слышала.

— Нет, — сказала она. — Назвать их нужно Иван да Марья, и никак иначе. Аисты ж — неразлучники.

— Как это понимать — неразлучники? — спросил Колька и покраснел ещё больше.

— Совсем просто, — почему-то грустно сказала бабушка. — Они всегда вместе. Иначе не могут. А если аиста погибает, аист поднимается высоко-высоко в небо, складывает крылья и падает на землю. Рядом с ней...

Всё лето Иван да Марья прожили с нами. Они стали совсем уж ручными, запомнили свои имена и безошибочно шли на зов.

Подошла осень, и аисты начали готовиться в дальнюю дорогу. Они, конечно, ничего не говорили, но всё чаще поглядывали на небо, и мы по-

няли, что скоро-скоро они нас покинут.

И Колья предложил:

— Давай их окольцуем.

Из поломанной серебряной ложки кузнец дядя Василий изготовил два кольца и выбил: на одном — «Иван», на втором — «Марья». И на каждом — «село Берёзовка».

Затем дядя Вася задумался и сказал:

— Чего-то тут не хватает. Всё-таки они и наши послы за границу.

И прибавил на каждом кольце: «Да здравствует мир!» И надел птицам на правую ногу по кольцу.

Наступил день, когда Иван да Марья покинули нас, улети.

— Может быть, на следующий год вернутся? — неуверенно сказал я. — Привыкли за лето к месту?

— Привыкли не к месту, а к людям, — поправил Николай.

Больше мы ничего не сказали. Не о чем было говорить.

И они вернулись! Прилетели, как и в прошлом году, в конце февраля. Ещё издали

они приветствовали нас знакомым клёкотом, затем, описав широкий круг над селом, безошибочно приземлились в своё гнездо. Немного отдохнув с дороги, Иван да Марья постепенно подошли поздороваться. И, когда они подошли к нам, мы увидели, что у них и на левой ноге по кольцу. И тоже с надписью. Только с непонятной. Буквы были с завитушками, и каждая выгибалась по-своему. Мы старательно переписали всё, что было написано, а аисты терпеливо ждали — понимали, что мы не забавляемся, а заняты серьёзным делом.

Переписав, мы побежали в школу и показали надпись

Григорию Семёновичу. Завуч внимательно посмотрел и решительно сказал:

— Нет, это не по-английски.

— И не по-французски, — так же решительно сказала учительница французского языка.

— И не по-немецки, — сказал учитель немецкого языка.

Тогда мы просто растерялись. Что же теперь делать? Других языков у нас не знали. Правда, в соседнем селе доживал старенький поп. Он, когда напивался, орал по-гречески какие-то псалмы. Но обращаться к нему не хотелось... Что же всё-таки делать?

Наш завуч задумался. Задумались и мы с Колькой. Неожиданно Григорий Семёнович хлопнул ладонью по столу:

— Как же я сразу не сооб-

разил! Пошлём в Москву, в институт Патриса Лумумбы! Там на всех языках говорят.

Так мы и поступили. И вскоре пришёл ответ:

«Дорогие ребята!

Пишут вам студенты Африки, обучающиеся в Советском Союзе. Надпись сделана на португальском языке, и, читая её, мы ощущали горячее дыхание нашей Родины. Вот её перевод:

«Здравствуйте, друзья!

Спасибо Ивану да Марье, — они принесли нам привет из села Берёзовки, из СССР. Примите и наш боевой партизанский привет. К сожалению, пока сообщить свой точный адрес не можем. Да здравствует свобода! Сражающаяся Ангола».

Вот и вся история, которую мне хотелось рассказать. История про аистов, ставших символом счастья и радости.

М. Либин

Перед физкультурой

— Ой мамочки!
Ой папочки!
Ох, я забыла тапочки!
Ах, папочки!
Ах, мамочки!
Они же дома в сумочке!
— Кто там остался в сумочке!
— Чьи мамочки и папочки!
— Не мамочки,
Не папочки,
А тапочки!
А тапочки!

ПРО ПЫСЮ

Когда произошла вся эта история, Пысе было десять лет. Он учился в четвёртом классе и жил в большом приморском городе.

Город стоял на берегу залива. В заливе с утра до вечера работали землечерпалки. Между ними носились белые катера и двигались неторопливые чёрные пароходы.

Пыся рисовал на промокашках корабельные флаги, облака и хвостатых белок.

Он сидел на последней парте у окна.

Однажды классный руководитель Зоя Ивановна принесла в класс пачку тетрадей.

— Сегодня, — сказала она, — мы разберём ваши сочинения. Вы писали работу «Мой выходной день». Большинство ребят с заданием справилось хорошо. Очень живо написал Петя Кирпиченко, как он помогал брату переплести книгу. Марина Кухтик увлекательно рассказала о том, как они с бабушкой сушили грибы. Неплохие сочинения есть и у других ребят.

Тут Зоя Ивановна остановилась, достала из пачки Пысину тетрадь и нахмурилась.

— Но кто совершенно удивил меня, — сказала она, — это Соколов. Послушайте только, что он написал.

МОЙ ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

У нас во дворе росли четыре дерева. В выходной день пришёл управхоз и спилил одно дерево. Оно мешало ему строить гаражи. После пришёл телефонист и спилил второе. Оно мешало ему тянуть провод. После него пришёл водопроводчик и спилил третье. Оно мешало ему чинить трубу. Последним пришёл наш сосед. Он спилил четвёртое, — оно загораживало ему вид из окна. Потом они ушли: управхоз за досками, телефонист за лестницей, водопроводчик за трубой, сосед за квасом. Но когда они вернулись, все деревья выросли снова.

— Ну что это за работа? — сказала Зоя Ивановна. — Разве можно уничтожать деревья? Ничего не понимаю. Соколов, неужели они действительно пилили их?

Пыся пожал плечами.

— Как деревья могли за несколько минут вырасти снова? И при чём тут квас? Ученик должен писать сочинения ясно и понятно. Даже не знаю, можно ли за такие работы ставить отметки. На всякий случай я поставлю тебе «два». Мама дома?

— Она в зоопарке.

— А папа?

— Он в Америке.

Зоя Ивановна посмотрела на Пысю и сказала:

— Ну, знаешь ли...

ПРО ПАПУ

Пысин папа и верно не был в Америке. Он был в нескольких километрах от неё.

Он стоял на корме океанского буксира и смотрел, как дрожит туго натянутый стальной канат. Рядом шёл второй буксир. Буксиры тащили на канатах док. Док плыл по океану как остров. Третий буксир шёл сзади. Он следил, чтобы док не рыскал из стороны в сторону.

Буксиры подошли к американскому берегу и бросили якоря. Стал на якорь и док. Теперь он стал совсем похож на остров. По высоким его стенкам забегали люди. Из кухни пошёл дымок.

— Механик! — крикнул папе капитан буксира. — Собирайтесь, пойдём на берег к директору канала. Будем просить, чтобы нас пропустили без очереди. Надо торопиться — во Владивостоке ждут!

«Да, да, да, скорее бы пройти канал! — подумал папа. — И не забыть: сегодня будем говорить с Ленинградом».

ПРО МАМУ

И Пысина мама тоже не была в зоопарке. Она только подошла к его воротам, постояла-постояла и вернулась домой.

Дома её ждал Пыся.

— Только что звонили из студии, — сказал он. — Напоминали, что разговор в шесть. Как ты думаешь, тётя Аза не придёт? Прошлый раз ты из-за неё говорила только одну минуту. Если придёт, ты не бери её.

— Разве можно, ведь она родственница, — сказала мама. — Как твои успехи в школе? Сочинение вернули?

— По труду мы выпиливали рамочки, — сказал Пыся.

— А сочинение?

— Ты опять ездила в зоопарк?

— Да. И опять не пошла. Я подумала, что будет удобнее, если это ты делаешь сам.

— Но ведь запись прекращена.

— Всё равно сходи. Сделай это, пожалуйста, для меня. Я тебя очень прошу. Юннаты — это так интересно!

Пыся сел за стол и начал быстро есть котлету.

— Вот ещё что, — сказала мама, — возьми с собой дневник. Это покажет, как серьёзно ты относишься к наблюдениям за животными. Дневник наблюдений!.. Как ты думаешь, где сейчас папа? Они так торопились во Владивосток. Их там ждут!

ПРО ДОК

Во Владивостоке док действительно ждали. Его ждали корабли, которым был нужен ремонт.

Док — это железная коробка высотой с пятиэтажный дом. Пустая, с плоским дном и тремя стенками. В доке ремонтируются корабли. Для того чтобы завести внутрь дока корабль, док притапливают. Вода наливается внутрь коробки, и туда заводят корабль. Потом док всплывает, вода выливается, и корабль остаётся на сухом месте.

Чтобы док притапливался и всплывал, в его пустые коробчатые стены то напускают воду, то насосами откачивают её.

Корабль стоит в доке. Десятки рабочих лезут под его днищем, скоблят, чистят, красят его.

ПРО ТО, КАК ПЫСЯ ХОДИЛ В ЗООПАРК

В зоопарке Пыся нашёл дом, на котором была доска «Секция юных натуралистов». Но он не вошёл в дом, а отправился сначала бродить у клеток.

Сперва он постоял около слона. Слон был большой и серый, как брезентовая палатка. Он сопел, переминался с ноги на ногу и громко шуршал кожей.

Потом Пыся пошёл к тюленям. Тюлени плавали в круглом бассейне. Они плыли под водой, поворачиваясь кверху то тёмной спиной, то светлым пузом. От этого в воде то вспыхивали, то гасли длинные жёлтые полосы.

Неподалёку от бассейна стояла клетка с кенгуру. Пыся подошёл к ней и стал рядом с каким-то мужчиной в очках.

Из деревянного домика в клетке торчал толстый, как палка, кенгурячий хвост.

— Это животное, мальчик, привезено из далёкой Австралии, — сказал мужчина.

Пыся кивнул.

— Самка кенгуру носит детёнышей в сумке на животе, — продолжал мужчина. — Поэтому кенгуру называются сумчатыми животными.

— А сумчатые волки есть? — спросил Пыся.

— Есть.

— А медведи?

— Тоже.

— А слоны?

Мужчина смутился.

— Не знаю, — сказал он. — Зачем тебе сумчатые слоны?

— И верно, зачем нам сумчатые слоны! — сказал Пыся и побежал к дому, где записывали в юннаты.

В доме, на втором этаже, сидела женщина и что-то рисовала в тетради.

Над её столом были прибиты оленьи рога и висел плакат: «ПИШЕМ ТО, ЧТО НАБЛЮДАЕМ, А ЧЕГО НЕ НАБЛЮДАЕМ, ТО НЕ ПИШЕМ».

— Запись прекращена, мальчик, — сказала женщина. — Ты опоздал почти на месяц.

Пыся засопел.

— Меня мама послала, — сказал он.

— Ну и что ж что мама? Ничего не могу поделывать. Я и так записала больше, чем разрешается. Приходи на будущий год... Ты чего стоишь? Что у тебя в руке?

— Это дневник.

— Покажи его.

Женщина раскрыла Пысин дневник и прочитала вслух:

Q ЖИВОТНЫХ

(вырезки, факты, наблюдения)

ДОМАШНИЙ ЗВЕРЬ

У семидесятилетней Наталии Прохоровны Андреевой в селе Бегуницы два года жил медведь. Он спал, положив под голову лапу.

ДРУЗЬЯ

На одной английской ферме после болезни ослеп пони. Бульдог Джейн стал его поводырём. Утром Джейн отводит его на пастбище, а вечером приводит домой.

ИШАК СОБИРАЕТ ТУРИСТОВ

В средней Азии, на Памире, есть ишак. Он работает на турбазе. Когда в горах теряется человек, искать его отправляются с ишаком. У ишака очень чуткий слух. Заслышав крики о помощи, он застыивает на месте.

БЕГЛЕЦЫ

Из сухумского заповедника убежали две обезьянки. Одну нашли на дереве, вторую — в милиции.

СОБАКА НА ПТИЦ

В алтайской деревне живёт собака. Когда она увидит птицу, то прыгает и с разгону бежит по стволу. Добежав до птицы, она хватает её зубами и вместе с ней падает с дерева.

НОСОРОГ

Был в зоопарке. Видел носорога. Когда смотрел на него, на носорога села птичка.

— Станный какой дневник! — сказала женщина. — Ничего не понимаю. При чём тут птичка?

Пыся сказал: «Ннн-н...»

— А где ты видел собаку, которая бегала бы по деревьям?

Пыся почесал за ухом.

— А ишака, который собирает туристов?.. По-моему, ты всё это выдумал. Видишь плакат? Пишем то, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, то не пишем... Но я не могу не взять к себе в кружок человека, который выдумывает такие удивительные истории. Жду тебя в среду.

Женщина протянула Пысе дневник:
— Меня зовут Римма Аполлоновна.
— Я приду, — сказал Пыся.

ПРО ТО, КАК ПАПА ГОВОРИЛ С ДИРЕКТОРОМ КАНАЛА

Папа сидел в кабинете директора канала.

В кабинете было душно. Солнце за окном палило из всех сил. Через раскалённые деревянные решётки в комнату текли струйки горячего воздуха. Директор отдувался, всё время поворачивался и доставал из холодильника запотевшие бутылки с водой.

От жары директор еле шевелил губами. Вместо слов у него получалось: «бу-бу-бу!»

За креслом директора стоял секретарь и переводил «бу-бу-бу» директора на человеческий язык.

— Господин директор говорит, — переводил секретарь, — что два дня назад обвалилась одна из стенок канала. Начат ремонт. Ваш док очень широк, и он теперь по каналу не пройдёт. Придётся вам плыть вокруг всей Америки!

Секретарь показал на стену. На стене висела карта. На ней были нарисованы два океана, две Америки и два пути из одного океана в другой. Один путь короткий — через канал, второй длинный — вокруг.

— Ого! — сказал папа. — Да это нам ещё месяц пути.

Директор открыл ключом очередную бутылку: кляк!

— Ничем не можем помочь! — сказал секретарь.

ПРО ТО, КАК ПЫСЯ ГОВОРИЛ С ТЕТЕЙ АЗОЙ

Когда Пыся вернулся из зоопарка, на лестнице у дверей он встретил тётю Азу.

— Наконец-то, — сказала она. — А я жду, жду. Все ноги затекли. Сегодня по радио говорить будем?

— Ага, — уныло сказал Пыся.

— А ты и не рад? Мама скоро придёт?

— Ага.

Пыся открыл дверь. Тётя Аза первой вошла в квартиру.

— Вчера видела сон, — сказала она, — будто купила зеркало. Посмотрела в него, а там не я. Кто-то другой. К чему бы это?

— Не знаю, — ответил Пыся. — Может, к дождю?

— Говорить-то с Владивостоком будем?

— Они ещё не дошли.

— А говорили — скоро придут... Я вижу, у вас никаких обновок. Буфет-то старый?

— Старый.

Пыся представил себе: радиостудия, тётя Аза разговаривает с папой, секундная стрелка на часах бежит круг за кругом, а мама сидит в сторонке и ждёт, ждёт...

Тётя Аза подошла к буфету, налила себе холодного чаю. Вытерев платком губы, подошла к окну.

— И куда это всё народ торопится? — сказала он. — И бегут, и бегут. Никто теперь спокойно жить не хочет.

— А вы не знаете? — спросил Пыся и сам испугался того, что хочет сказать. — Сегодня космонавт садиться будет.

— Какой космонавт? — удивилась тётя Аза.

— В школе объявляли. На кольце седьмого трамвая. С парашютом.

Тётя Аза даже привстала.

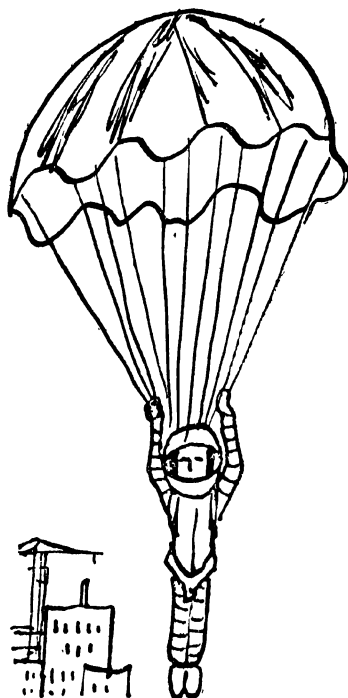
— Что же ты мне раньше не сказал? — басом спросила она. — Когда?

— В шесть.

Тётя Аза посмотрела на часы, схватила свои кошелёчки и бросилась к дверям.

Пыся выглянул в окно. Внизу у подъезда к трамвайной остановке бежала тётя Аза. Подошёл седьмой трамвай. Тётя Аза влезла в него. Трамвай дал звонок и умчался.

— Вот это да! — ошеломлённо сказал Пыся.

ПРО ТО, КАК ПЫСЯ ГОВОРИЛ С ПАПЫ

Говорить по радио с моряками пришлось много людей.

Женщина в форме провела собравшихся в большую комнату — студию. Все стены в комнате были в дырочках.

— Это сделано, чтобы заглушить шум, — объяснила мама. — Как хорошо, что нет тётя Азы. Может, она ещё придёт?

— Не успеет! — твёрдо сказал Пыся.

Загудел гудок, и передача началась.

В глубине комнаты стояла застеклённая кабина.

— Ваша очередь первая! — сказала женщина в форме и провела маму и Пысю в кабину. — Помните: ваше время — на двоих пять минут!

В кабине стоял на металлической штанге микрофон. На стене висели часы с секундой стрелкой и громкоговоритель.

— Вызываем буксирный пароход «Илья Муромец», — сказал громкоговоритель. — Слушайте нас, старший механик Соколов. — С вами будут говорить жена и сын. Передаём микрофон семье.

Мама подтолкнула Пысю к микрофону.

— Здравствуй, Герасим! — сказал микрофон папиным голосом.

— Здравствуй, папа!

— Как твои дела?

— Всеякие мои дела, — сказал Пыся и начал рассказывать про сочинение, про двойку и про зоопарк.

— Понимаю. А у меня, брат, тоже неприятность. Большие трудности — можем задержаться на месяц. Не пролазим в канал. Док не влазит.

— О!

— Что делать, ума не приложу.

— А ты придумай.

— Надо придумать.

— Постарайся.

— Стараюсь.

Секундная стрелка бежала по циферблату. От пяти минут уже оставалось совсем немного.

— До свиданья, папа, приезжай скорее, — сказал Пыся.

— Здравствуй, Алёша! — тихо сказала наконец мама.

ПРО ТО, КАК ПОВЕЛИ ДОК

На берегу канала собралась толпа. Люди в разноцветных одеждах с бронзовыми и чёрными лицами стояли в тени домов и ждали, когда поведут док.

На балконе своей конторы, под громадным зонтом, сидел в кресле директор. Рядом с ним стоял секретарь.

Буксиры подали на док канаты. Папа перешёл на док. Док выбрал якорь.

— Начинаем затопление! — крикнул папа капитану буксира и полез вместе с матросами внутрь дока.

Там они открыли краны, через которые в пустые коробчатые стены дока поступает вода. Но на этот раз они открыли краны только с одной стороны. Вода с шумом хлынула внутрь и начала кренить док.

Папа с матросами вылезли на площадку в верхней части дока. Одна стенка дока поднималась, а вторая всё глубже уходила под воду. Наконец док качнулся и лёг на бок. Теперь он был похож не на остров, а на огромную коробку, поставленную на ребро. Ширина его сразу уменьшилась.

Толпа, поняв в чём дело, радостно загудела.

Буксиры стали как всегда — два впереди, один позади дока. Натянули канаты. Док клюнул носом и тронулся с места. Высокая серая его громада двигалась мимо белых домов, мимо набережной с пальмами. Чёрные капли стекали с поднятого в воздух днища.

— Бу-бу-бу! — сказал директор канала и ушёл с балкона в кабинет. За ним побежал секретарь. Он побежал звонить по телефону, чтобы док пропустили по всему каналу без очереди.

Папа стоял на самом верху дока и смотрел над собой в небо. Над каналом плыли три облака. Они тянулись медленно. Наверно, они приплыли издалека и устали. Может быть, из самого Ленинграда. Одно облако было похоже на дерево, второе на кенгуру, а третье на микрофон.

Папа посмотрел на них и вздохнул.

Должно быть, он вспомнил маму и Герасима, которому когда-то сам придумал странное имя — Пыся.

Владимир Скоринкин

П о х о д

Компас на ладони,
За спиной мешок:
Наш отряд сегодня
Далеко пошёл.

Далей не измерить:
Родина вокруг

Отворила двери
В поле и на луг...

У опушки бора,
Веселы, быстры,
Мы разложим скоро
Жаркие костры...

Сварим суп чудесный,
Выстроим шалаш
И хорошей песней
Край прославим наш!

Перевел
Игорь ГРИГОРЬЕВ

Иван Муравейка

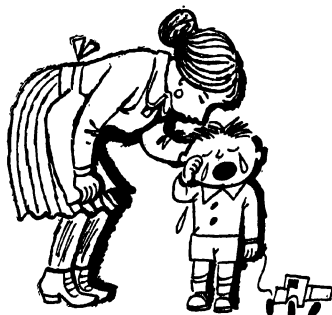
Чужая работа

Сыночка мама пробирала:
— Ох и грязнула ты, Василь!
Я только хагу прибирала —
Ты снова грязи наносил!

Уж сколько раз тебе о том
твержу я,
Чтоб уважал работу ты чужую!
— Чужую я работу уважаю!
Но ты же ведь мне, мама,
не чужая!

Чтобы мама пожалела

— Кто тебя обидел,
Дорогой сынок?
— Да... Вчера Никита
Мне поддал под бок...

— Что же ты сегодня
Плачешь-то с утра?
— Да... Тебя ведь дома
Не было вчера...

Перевел В. СУСЛОВ

Рис. А. Курушина

(Научно-фантастическая повесть)

«2 февраля.

ПОСЛЕ той загадочной аварии мы бурим с большой осторожностью. Скважина постепенно углубляется. Наши ящики понемногу заполняются желтоватыми столбиками керна».

Кажется, это произошло именно 2 февраля... Я потом не вёл записи несколько недель...

Утром Ку Мар настойчиво

допытывался, какой глубины достигла скважина. Когда я сказал, он глянул на меня недоверчиво:

— Чистый правда говоришь?

— Конечно. А, собственно, зачем тебе точная глубина скважины?

— Надо...

— Ну, а всё-таки зачем?

Ку Мар заулыбался:

— Один маленький задача решаю. Сколько дней бурить будешь, чтобы сделать дырка через вся Земля.

— Ну и что — получается?

— Ничего не получается...

Мне показалось, что он хитрит. Может быть, кто-то из островитян поручил ему узнать глубину скважины? Может, это был сам Справедливейший?.. Непонятно только, зачем для этого понадобился Ку Мар. Каждый вечер наши помощники уходили ночевать в селение, и от них можно было получить все сведения.

Вскоре Ку Мар куда-то исчез. В обед его никто не видел.

Окончание. Начало в «Искорке» № 1 за 1967 г.

Когда спала жара, мы вернулись на буровую. К станку стал Питер. Я присел под тентом.

Вдруг кто-то окликнул меня. Голос был незнакомый. Я оглянулся. Под тент заглядывал невысокий, коренастый человек, в белой полотняной рубашке и шортах. На голове у него красовалась маленькая белая панамка. Чёрные очки прикрывали глаза. На вид ему было лет пятьдесят, хотя могло быть и гораздо больше. Его гладко выбритое лицо, руки и ноги покрывал тёмно-коричневый тропический загар. Тем не менее у меня ни на миг не возникло сомнения, что передо мной белый.

— Моё почтение, сэр, — вежливо сказал он по-английски. — Надеюсь, я не помешал вам. Меня зовут Карлссон. Дэвид Карлссон.

«Вероятно, советник Справедливейшего», — мелькнуло у меня в голове.

— Очень приятно, — сказал я, поднимаясь.

Мы обменялись рукопожатием, и я назвал себя.

— О, вас я знаю, — улыбнулся он.

«Ещё бы, — подумал я. — Интересно только, где ты прятался полтора месяца? И главное, зачем?»

Он словно понял мои мысли.

— Мне рассказывали о вас и ваших товарищах давно, — пояснил он. — А сам я возвратился на остров лишь вчера. Я находился... на соседнем атолле.

«Бабе своей рассказы-

вай!» — подумал я. Но ему вежливо сказал:

— Очень приятно познакомиться. Я тоже догадывался о вашем существовании. Вероятно, вы советник здешнего правителя.

— И да и нет, — скромно объявил он, усаживаясь под тентом.

— Выпьете чего-нибудь?

— Благодарю. Я пью только воду. Чистую морскую воду.

— Морскую? — вырвалось у меня.

— Почему вас это удивляет? Каждый при желании может приучить свой организм к морской воде. Всё это — дело привычки. Строго говоря, морская вода даже полезнее для организма, чем опреснённая. Очень многие обитатели островного мира пьют морскую воду, когда у них под рукой нет пресной. А для себя я это сделал правилом.

— Вот как, — произнёс я, чтобы сказать что-нибудь.

Мы помолчали. Как гостеприимный хозяин, я попытался поддержать разговор:

— Вы уже давно живёте на островах?

— Да.

— Но, вероятно, часто ездите отдыхать на континент — в Европу или в Америку, не так ли?

— Нет. Я не был на континенте много лет.

— И не наскучила вам Микронезия?

— Нет.

Он не отличался многословностью во всём, что касалось

его особы. Я попробовал переменить тему разговора.

— Кажется, погода начинает меняться. Я побаиваюсь урагана. Крепления вышки не очень надёжны.

Он окинул буровую испытующим взглядом:

— Выдержат. Это превосходная конструкция. Вероятно, последняя модель?

— Самая новая. Облегчённого типа.

— Да-да.— Он кивнул с видом знатока.— Научились наконец делать буровые установки. Пятнадцать лет назад о таких не могли и мечтать. А как глубина?

— Рассчитана до полутора километров, но при желании можно вытянуть и два. Правда, с глубиной скорость бурения сильно замедляется...

— Разумеется. — Он снова кивнул.— Кстати, о погоде не тревожьтесь. В ближайшие недели она не изменится.

— Вы располагаете столь долговременным прогнозом?— удивился я.— Здесь, на островах?

— Да, причём надёжным прогнозом. — Он многозначительно поднял палец.

— Мы регулярно слушаем прогнозы по радио,— заметил я.— На этот район они крайне неопределённые и, как правило, кратковременны.

— Вы имеете в виду радиостанцию в Тауоба,— он пренебрежительно махнул рукой,— что они знают?

— Там ближайшая к нам метеостанция. Другие источники мне неизвестны.

— Да-да, конечно,— сказал он.— Но в этой части Тихого океана особая климатическая зона. Циклоны обычно обходят нас стороной. Прогнозы Тауоба для Муаи не подходят. Мы вынуждены составлять свои собственные...

— Ах вот как...

— И вы убедитесь, что они довольно точны, если пробудете тут ещё некоторое время.

— Вынужден буду пробыть. — Я подчеркнул слово «вынужден». — Ведь скважина ещё далека от завершения.

— Значит, вы полны решимости вскрыть вулканический цоколь Муаи? — спросил он равнодушным тоном.

«Ого,— подумал я,— Справедливейший точно передал содержание нашего разговора».

— Такова поставленная передо мной задача,— пояснил я, рисуя карандашом на песке разрез атолла.

— Значит, как только вы убедитесь, что цоколь Муаи сложен обычным базальтом, а не алмазносным кимберлитом, вы прекратите бурение и покинете остров?..

Я с изумлением посмотрел на него..: Однако он внимательно разглядывал мой рисунок на песке.

— Послушайте, господин Карлссон,— сказал я,— давайте уточним нашу... гм... игру. Вам что-нибудь известно о строении атолла Муаи?

— Допустим.

— Но глубокого бурения тут не было?

— Глубокого... нет.

— Однако вы знаете, на чём покоится коралловая постройка острова?

— Предположим, что да.

— И могли бы доказать это?

— Могу дать вам несколько метров керна, состоящего из обычного базальта тихоокеанского типа.

— Зачем?

— Как доказательство, что вы вскрыли цоколь Муаи. А на какой глубине, это вы придумаете сами. Ведь вашей фирме важно получить породы цоколя и убедиться, что искать кимберлиты тут бесполезно.

— Послушайте, вы...

— Нет, сначала вы послушайте меня. Прежде всего, не воображайте, что я предлагаю вам жульническую сделку. Я хочу лишь облегчить вашу задачу и ускорить ваш отъезд отсюда.

— Значит..

— Пока ещё ничего не значит. На какой глубине вы предполагаете встретить... вулканические породы?

Я пожал плечами:

— Никто из нас этого точно не знает, включая и главного геолога фирмы. Может быть, от пятисот до тысячи пятисот метров...

— Очень хорошо, — сказал он, беря у меня из рук карандаш. — Всё, вероятно, так и было бы, если бы внизу, под рифом Муаи, находился правильный вулканический конус. А если этот конус разрушен, например, вулканическим

взрывом или волнами ещё до образования рифа?

— Тогда может быть всё что угодно...

— Вот именно, — согласился он. — Позволю себе немного исправить ваш рисунок. — Он провёл на песке несколько линий. — Что скажете теперь?

— Теперь каждый профан скажет, что надо бурить вот здесь — в западной части острова. В восточной — вулканические породы залегают слишком глубоко.

— Превосходно. Готов поставить вам отличную оценку по геологии, но... Есть одно «но». На западе ваша скважина встретит вулканические породы на небольшой глубине только в одном случае — если бурить вертикально. Обратите внимание, что на рисунке я изобразил склон вулканического конуса достаточно крутым. Если скважина искривится, — он сделал ударение на последнем слове, — я повторю, если она искривится, вулканических пород вы вообще не встретите. Скважина пойдёт в теле рифа параллельно им.

— Всё это теоретические рассуждения, — заметил я. — И не понимаю...

— Не понимаете?.. Жаль! — сказал он, выпрямляясь и стирая ногой рисунок на песке. — Полагал, что вы более догадливы... Тогда сделаем несколько предположений. Чисто теоретических предположений, разумеется... Первое: предположим, что появление на некоем острове гостей не

вызвало восторга у населения этого острова. Второе: допустим, что жители острова очень миролюбивы; не желая портить отношений с гостями, они тем не менее хотят предельно сократить пребывание гостей на своей земле. Третье: учитывая необычность обстановки, позволим себе сделать ещё одно совершенно невероятное допущение, что жители острова подсказали гостям кое-что по существу дела... Ну, например, подсказали место бурения скважины, с таким расчётом, чтобы гости как можно скорее выполнили свою задачу и — адьо — уехали бы восвояси. Если вам всего этого мало, я готов сделать четвёртое предположение: что гостям на этом острове ужасно не везёт. Начав бурить в таком месте, где можно было встретить древние лавы на глубине пятидесяти-шестьдесят метров от поверхности, гости так искривили скважину, что теперь едва ли встретят их вообще.

Он умолк и быстро набросал ещё один рисунок на песке: разрез рифа, положение вулканического цоколя, линию искривлённой скважины.

Я начал кое-что соображать. Я прямо спросил его:

— Вы имеете возможность проникать внутрь острова?

Он кивнул.

— По кавернам внутри рифового массива?

— Да, тут есть целая система пещер, заполненных морской водой. На глубине риф Муаи состоит чуть ли не из одних дыр. Лабиринты подвод-

ных пещер открываются прямо в океан.

— У вас есть скафандр?

— Есть.

— Проникнув в лабиринт, можно добраться и до вулканического основания рифа, не так ли?

— Да, местами древние лавы находятся совсем неглубоко.

— Хорошо, — сказал я. — Возьму у вас эти несколько метров базальтового керна, и мы уедем с первой же оказией; но сначала я должен убедиться лично, что всё это правда.

— Вы сможете сделать это завтра же. Но вы должны дать мне слово джентльмена и честного человека, что всё останется между нами. Вы поняли меня?

— Кое-что понял... И буду молчать. Обещаю вам, Карлссон.

— Хорошо. Приходите завтра утром к коттеджу.

Он легко поднялся, пожал мне руку и ушёл.

Ребятам я сказал, что приходил советник Справедливейшего и пригласил меня на новую аудиенцию к вождю. Я даже и не подозревал, что говорю чистейшую правду.

КАРЛССОН встретил меня на центральной площади посёлка и провёл прямо в коттедж мимо стражей, которые на этот раз сделали вид, что не замечают нас. Миновав несколько обставленных по-европейски комнат, мы очутились... в небольшой библиотеке. Это было совершенно круглое по-

мещение, без окон, со стеклянным потолком. Вокруг стен тянулись стеллажи, сплошь заставленные книгами. Посредине стоял небольшой рабочий стол. Возле него — пара кресел.

Я надеялся, что Карлссон объяснит мне как-то европейский облик всего этого дома, его странную пустоту, наконец, присутствие здесь библиотеки, однако он молчал. Порывшись в ящиках стола, он достал два электрических фонаря, один положил в карман, другой протянул мне. Потом он отодвинул ногой циновку на полу и открыл небольшой люк. Под крышкой люка оказалась узкая винтовая лестница, ведущая куда-то вниз. По-видимому, это был второй вход в подземелье.

— Тут у меня внизу кое-какие лаборатории, — сказал Карлссон. — Но в них я последнее время бываю редко. Поэтому освещение выключено. Нам с вами придётся воспользоваться фонарями.

— Здесь есть электрическое освещение? — удивился я.

Он сделал вид, что не слышал моего вопроса, и начал спускаться. Я последовал за ним. Мы спускались ощупью, в темноте. Я насчитал шестьдесят ступенек. Потом Карлссон включил свой фонарь. Сильный луч света вырвал из темноты шероховатые стены довольно широкого, извилистого коридора. В стенах коридора темнели двери. Все они были закрыты на засовы. По правде сказать, это боль-

ше походило на подземную тюрьму, чем на лаборатории. Мне стало жутковато.

— Идёмте, — сказал Карлссон. — Мы уже внутри рифового массива, но ещё находимся выше уровня океана. Эти пещеры — естественные. Мы тут только кое-что подровняли...

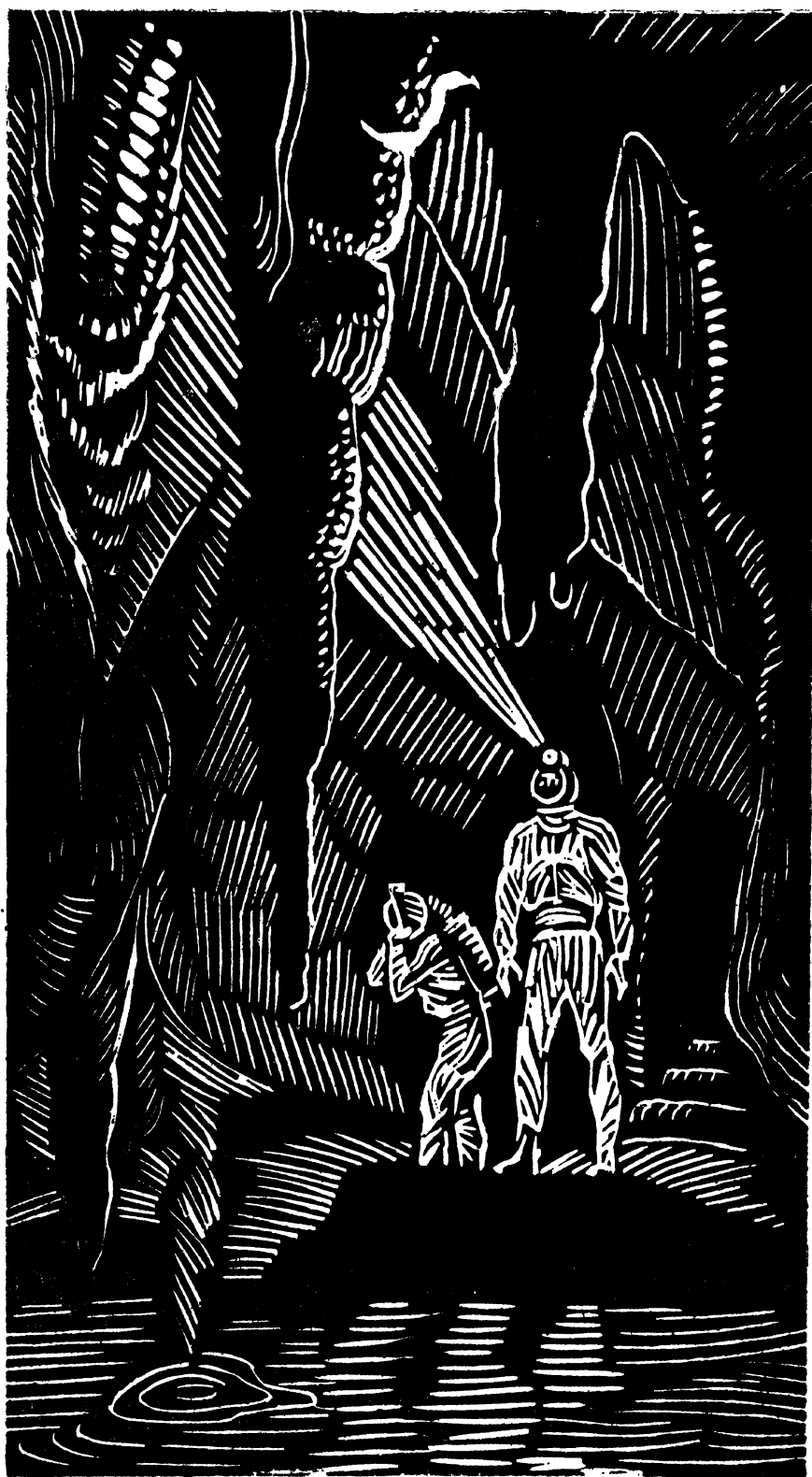
Не дожидаясь моего ответа, он двинулся вперёд. Мне не оставалось ничего иного, как включить фонарь и следовать за ним. Коридор изгибался, петлял, разветвлялся, и вскоре я совершенно потерял ориентировку. Чувствовал только, что мы постепенно спускаемся ниже и ниже.

Внезапно я услышал плеск. Где-то совсем близко была вода. Стены коридора ушли в стороны, и мы очутились в довольно большой пещере. Своды её тонули во мраке, а совсем близко у наших ног с тихим шелестом волны ударили в каменный пол. Это было подземное озеро, а вернее, небольшой подземный зал. В сдержанном непокое его вод, по-видимому, отражалось дыхание близкого океана.

— Мы почти у цели, — услышал я голос Карлссона. — Сейчас прилив, и вода поднялась высоко. Пока мы наденем скафандры и приготовимся к спуску, вода начнёт спадать. Вам приходилось когда-нибудь погружаться на тридцать-сорок метров?

— Нет, — признался я.

— Ну не беда. У меня хорошие скафандры — лёгкие и надёжные. Надеюсь, вы спра-

витель. Единственная опасность нашей экскурсии — мурины. Они заплывают в эти лабиринты. Придётся взять оружие. Попадаются и спруты, но небольшие. Крупные сюда забираются редко.

«Ещё не легче, — подумал я. — Прогулка к вулканическому цоколю Муаи может оказаться богатой впечатлениями...»

Скафандры, которые висели в небольшой нише, действительно оказались превосходными. Я натянул свой без труда, и Карлссон помог мне закрепить шлем. Дышать было очень легко. Гибкий металлический шланг соединял шлем с небольшими баллонами, укрепленными за спиной. В баллонах, по-видимому, находился кислород.

— Сделайте несколько глубоких вдохов, — услышал я в ушах голос Карлссона. — Так, хорошо. Можете отвечать мне, скафандры радиофицированы.

— Замечательная штука, — сказал я, имея в виду скафандр. — Последняя модель?

— Нет. Они изготовлены лет пятнадцать назад. Впрочем, я не уверен, что сейчас научились делать лучше.

— В гребне шлема находится осветитель. Включающее устройство под левым баллоном, — снова услышал я голос Карлссона. — Вы можете включать и выключать свет левой рукой.

Я засунул руку за спину и нащупал какой-то язычок. Дёрнул за него. Вспыхнул яр-

кий свет, похожий на свет автомобильных фар. «Фары» находились где-то над головой. Это напоминало шахтёрский фонарь, только свет был гораздо сильнее. Поворачиваясь, я теперь мог осмотреть подземелье. Ребристые, стрельчатые своды уходили высоко вверх. Местами с них свисали ажурные каменные драпировки, похожие на белоснежные кружева. Сталактиты опускались к самой воде и отбрасывали на её поверхность резкие, причудливые тени. Под водой скалы круто обрывались.

— Вы готовы? — прозвучал голос Карлссона.

— Да-да... — сказал я. Для меня самого это «да» прозвучало не очень убедительно.

— Тогда в путь! Не отставайте от меня и смотрите по сторонам...

Он спустился по грубо отёсанным каменным ступеням и исчез в тёмной воде, которая сомкнулась над его шлемом. Тотчас вода озарилась изнутри. Это Карлссон включил свой осветитель. Теперь вода приобрела янтарный оттенок, а рёбра подводных скал стали красновато-оранжевыми. Тени крупных рыб метнулись прочь из освещённого пространства.

— Ну, где вы там? — слышался издали голос Карлссона.

Я вдруг вспомнил слова Питера: «В случае чего, шеф, мы устроим вам вполне приличные похороны...» В данной ситуации о похоронах не могло быть и речи. Я просто исчезну бесследно, и меня сожрут

гнездящиеся в непроглядном мраке мурены.

— Ну? — прозвучало издали.

Мне пришло в голову, что это «ну» я уже слышал однажды... Впрочем, предаваться воспоминаниям было некогда. Свет фонаря Карлссона заметно ослаб, превратившись в размытое золотистое пятно.

Если я не заставлю себя тотчас же войти в воду, Карлссон исчезнет в глубине...

— Ух ты, бултых! — сказал я сам себе. Лет сорок назад так приговаривала моя бабушка, когда сажала меня в большой эмалированный таз, чтобы испустить.

Я сделал шаг, потом другой. Тело вдруг стало удивительно лёгким, и я почувствовал, что плыву.

Карлссона удалось догнать без труда. Мы поплыли рядом. Странные большеглазые рыбы с прозрачными плавниками неторопливо уступали нам дорогу; некоторые с любопытством разглядывали нас. Подводное ущелье, по которому мы спустились, постепенно сужалось.

— Мурен сегодня не видно, — раздался у меня в ушах голос Карлссона. — Вероятно, ушли с началом отлива.

Я подумал, что это не так уж плохо. Тем более что Карлссон упоминал об оружии, а оружия мы, кажется, с собой не взяли. Правда, у меня на поясе был короткий нож. Но что такое ножик против хорошей мурены!

— Смотрите — кальмар, — снова послышался голос

Карлссона. — Неплохой экземплярчик. Этот может и атаковать.

Впереди появилось что-то похожее на большую веретёнообразную торпеду. Торпеда неторопливо плыла нам навстречу. Кажется, она была длиной в несколько метров.

Мне вдруг ужасно захотелось очутиться на берегу, на горячем песке пляжа... Во рту сразу пересохло...

Карлссон обогнал меня. Я заметил, что он засунул левую руку за спину и поворачивает диск на конце одного из баллонов.

Бледная торпеда побагровела, изогнулась гигантской запятой и вдруг превратилась в тёмное, мохнатое облако.

— Удрал, — с удовлетворением в голосе сказал Карлссон. — Обозлился, покраснел и удрал. Они всегда багровеют, когда взволнованы. Ультразвуковой излучатель, — пояснил он, похлопывая по левому баллону. — Спруты не выносят его действия. Сразу выпускают «дымовую завесу» и ретируются. Тонкая нервная организация! С муренами хуже. Эти бестии — «толстокожие». Иногда приходится их потрошить.

Но мурен мы так и не встретили.

Мы спускались по ущелью ещё минут десять. Потом оно резко расширилось, и мы оказались в огромной подводной пещере. Наши осветители словно пригасли. Их свет потерялся в толще волн, заполняющей гигантскую полость.

— Эта пещера возникла вдоль границы вулканического конуса и рифа, — сказал Карлссон. — Видите чёрные породы? Это древние лавы — базальты. Обычные тихоокеанские базальты, а не кимберлиты...

Мы подплыли ближе, и я убедился, что Карлссон прав. Конечно, это был базальт. Вульгарный базальт. Риф Муаи покоился на обыкновенном вулкане. Западнее таких вулканов сотни. Их лавы выходят прямо на поверхность, образуя вулканические острова.

— Я хотел бы взять образцы...

— Надо опуститься немного глубже; там, у подножия обрыва, можно найти обломки.

Мы погрузились ещё на десяток метров, и я увидел осыпь тёмных камней. Некоторые были покрыты наростами коралловых стеблей. Выбрав несколько небольших обломков, я опустил их в карман скафандра.

— Как с дыханием? — поинтересовался Карлссон.

— Отлично.

— Тогда опустимся ещё немного. Вы сможете увидеть вашу скважину.

«Здорово!» — подумал я.

Мы углубились в запутанный лабиринт коралловых скал, похожий на гигантское каменное кружево. Как ухитрялся Карлссон находить правильный путь в этих сотах?..

— Ага, вот она, чуть правее...

Ещё несколько движений, и

я увидел в скальной нише металлический стержень. Всякие сомнения исчезли. Это действительно была обсадная труба нашей скважины. Уже тут было заметно, что скважина наклонена.

— Какая здесь глубина? — поинтересовался я.

— Метров шестьдесят. Авария у вас произошла выше, но сейчас туда трудно проникнуть.

— Значит, вы помогли тогда освободить инструмент?

— Вначале вы бурили очень неосторожно, — сказал Карлссон. — Совсем не учитывали особенностей этих пород. Получился обвал. Чтобы освободить ваш инструмент, нам пришлось применить заряд взрывчатки. Но, кажется, взрыв сильно повредил буровую коронку?

— Пустяки, у нас были запасные. Примите мою благодарность за помощь.

— Не за что! Просто мы боялись, что вы не сможете ликвидировать аварию и измените место скважины. Это сильно задержало бы ваши работы.

— Однако вы очень заинтересованы в окончании наших работ и, очевидно, в нашем быстрейшем отъезде...

— Сегодня вы догадливей, чем вчера.

— Ещё раз благодарю! Теперь нам остаётся лишь согласовать завершающие шаги... Я могу сделать так...

— Поговорим наверху, — прервал он. — Пора возвращаться.

Обратный путь мы соверши-

ли без всяких приключений. Я не мог не признать, что Карлссон великолепно ориентируется в подводных лабиринтах Муаи. Без сомнения, он занимался их исследованиями не один год.

ЧЕРЕЗ час мы уже отдыхали в библиотеке коттеджа. Карлссон принёс поднос с напитками. Я налил себе виски с содовой. Карлссон ограничился стаканом воды. Подозреваю, что это действительно была морская вода...

Мы легко согласовали план дальнейших действий. Жители посёлка пригласят нас всех на рыбную ловлю. В последний момент я под каким-нибудь предлогом останусь. Непогода задержит моих товарищей и их спутников на соседнем острове на несколько дней. За это время я постараюсь предельно углубить скважину и получу от Карлссона базальтовый керн как доказательство того, что скважина вошла в вулканический цоколь острова. Потом вернутся мои товарищи, мы демонтируем буровую и уедем с пароходом, который должен прибыть на Муаи через три недели.

У меня вертелся на языке один вопрос, и я не преминул задать его, кончая второй стаканчик виски с содовой:

— Кто, собственно, был инициатором всего этого плана — Справедливейший или вы, Карлссон?

— Считайте, что мы оба, — скромно ответил Карлссон.

— Но почему, чёрт побери,

все вы так заинтересованы в нашем исчезновении с острова?

— Вероятно, на этот вопрос отвечать не обязательно, — задумчиво произнёс Карлссон. — Вы поймёте сами... Впрочем, кое-что я могу сказать... перед вашим отъездом.

— А однако этот Гомби наврал, — переменял я тему разговора.

Карлссон с изумлением взглянул на меня.

— Я имею в виду кимберлитовые вулканы в Тихом океане, — пояснил я, отхлёбывая виски. — Удивительно, как ему сразу все поверили... И уже несколько лет гоняются за призраками.

— Ах вот вы о чём, — тихо сказал Карлссон. — Нет, Гомби говорил правду... Кимберлитовые вулканы в Тихом океане есть. И их множество. Но они глубоко — там, под пятикилометровой толщей воды. Они на дне глубоководных котловин. И над ними нет вулканических конусов. Это всего-навсего воронки взрывов, как и на суше — в Африке, в Сибири.

— Никогда не слышал об этом, — признался я. — Я читал книгу профессора Гомби, но там написано иначе...

— Гомби вначале и думал иначе. Позднее он изменил свои представления.

— А где написано об этом?

— Нигде...

— Вы знали его?

— Да.

— При каких обстоятельствах он погиб?

— Это была чудовищная подлость, — тихо сказал Карлссон. — О, чудовищная! Дельцы из Алмазной корпорации перепугались, что открытие алмазов на дне океана уменьшит их доходы. Последовала серия диверсий. Сначала уничтожили глубоководную станцию, созданную Гомби у Маршалских островов. В газетах писали, что это несчастный случай, но это была диверсия. Потом та же участь постигла главную базу экспедиции. Она находилась на одном из атоллов невдалеке отсюда. Когда Гомби и его уцелевшие товарищи эвакуировались с острова, теплоход наскочил на мину, а вернее, был торпедирован неизвестной подводной лодкой. И снова миру была рассказана басня — басня о гибели судна во время шторма.

— Возможно ли?! — сказал я. — Это в наши дни! Неужели никто не спасся?

— В наши дни случаются и худшие вещи, — возразил Карлссон.

Меня удивило, что он не ответил на мой вопрос. Я хотел повторить его, но Карлссон продолжал:

— После этой истории, я имею в виду историю Гомби, я окончательно разуверился в людях — в так называемых цивилизованных людях. Я навсегда ушёл из их мира и поселился тут, на этом атолле.

— И вы... счастливы?

— Пожалуй, да. Люди тут

примитивны, но они честны и не испорчены цивилизацией. Они ловят мне рыбу, а я немного обучаю их понимать окружающий мир и самих себя. И лечу, если кто-нибудь захворает. Но болеют тут редко.

— Вы, вероятно, ведёте и научные исследования?

— Так, пустяки — для души.

— Какова же ваша главная профессия?

— У меня их много. Вам наскучит, если начну перечислять...

— А Справедливейший?

— Что Справедливейший?

— Он не мешает вам?

Карлссон улыбнулся:

— Мы встречаемся очень редко.

— Но вы живёте в одном доме с ним!

— И тем не менее встречаемся редко.

— Например, когда приходится давать аудиенцию незванным гостям?

Он окинул меня пронизательным взглядом.

— О, — сказал он, — оказывается, вы более догадливы, чем я вначале думал. Вы не ошиблись... Но пусть всё это останется между нами. И простите меня за тот маленький маскарад. В глазах окружающего мира Муаи должен быть одним из тысяч обычных островов. А на каждом острове Микронезии есть свой более или менее странный вождь.

Я не смог скрыть своего изумления:

— Значит, вы и есть Спра-

ведливейший! Я-то ведь думал, что вы тот таинственный гид, который встречал нас и провожал.

Карлссон весело рассмеялся:

— Всё-таки я чуть-чуть переоценил вас. Я и то и другое. Для этих мистерий у меня имеются две превосходные маски. Не хочу, чтобы мои сограждане принимали участие в таких инсценировках. Вероятно, кое-кто из них и не отказался бы, и даже неплохо сыграл бы отведённую роль, но я оставляю за собой... всю внешнюю политику. Мы так условились. Внешняя политика — моя сфера, внутренняя — их. Достаточно и того, что во время визитов они не отказываются торчать у дверей этого дома.

Я чувствовал, что мне давно пора уходить и... всё не мог заставить себя расстаться с этим удивительным человеком. Несмотря на внешнюю жёсткость, от него исходило какое-то почти осязаемое обаяние. Население острова, должно быть, боготворило его.

— Послушайте, Карлссон, — сказал я. — Если когда-нибудь я разочаруюсь в благах цивилизации подобно вам... Примете меня в свою общину? Я буду хорошим подданным, обещаю.

— Это должны решить они все, — очень серьёзно ответил Карлссон. — У нас ведь демократия...

«10 марта.

ЗАВТРА прибывает пароход. Наш груз сложен на

берегу: звенья буровой, штанги, ящики с керном. Кажется, мои ребята довольны. Вместо шести — три месяца. А свои деньги они получают полностью. Ведь задача выполнена. Разумеется, начальство не будет в восторге. Алмазоносных кимберлитов мы не нашли на Муаи. К счастью для населения острова... В любом случае один проигрывает, другой выигрывает. Я лично доволен, что выиграли наши друзья-муайцы и старик Карлссон. Их идиллия будет сохранена... Вопрос, надолго ли?..»

Тогда всё удалось сделать именно так, как мы задумали с Карлссоном. Ребята отсутствовали восемь дней. Правда, они вернулись злые и встревоженные. Они опасались какого-нибудь нового подвоха со стороны островитян. Однако, когда я рассказал, что все эти дни скважина бурилась и мне удалось вскрыть базальт, они пришли в восторг. Даже молчаливый Тоби произнёс целую речь. Только Питер, придирчиво оглядывая базальтовый керн, проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Чудеса творятся на здешних проклятых островах... Ну, если за них платят... — Он пожал плечами и больше не возвращался к этой теме.

В последний вечер островитяне пригласили нас в деревню на праздник. Это был прощальный праздник в нашу честь. На центральной площади, напротив коттеджа вождя, собралось всё население острова. Нас посадили на самое

почётное место — на возвышение, устланное мягкими циновками. Пир начался с заходом солнца и продолжался до восхода луны.

Когда бледный перламутровый диск вынырнул из тёмных вод океана и проложил широкую серебристую дорогу к берегу атолла, начались танцы. Гибкие тёмные фигуры то стремительно двигались в едином согласованном ритме, то застывали чёткими изваяниями на фоне переливавшейся серебром поверхности океана. Танцам вторило негромкое мелодичное пение. Порой оно затихало, словно задуваемое порывами тёплого ветра, который слал океан.

Я смотрел на стройные силуэты, на движения танцовщиц, чёткие и грациозные, на широкий полукруг певцов, на тёмные стволы пальм, казалось уходящих до самых звёзд, и мне вдруг стало очень грустно. Грустно оттого, что это была последняя ночь на чудесном острове, где мы пережили столько удивительных и забавных приключений... А ещё потому грустно, что Карлссон так и не пришёл на прощальную встречу. Мне хотелось поговорить с ним ещё раз перед отъездом...

Кто-то тихонько потянул меня за рукав. Я оглянулся. Позади сидел на корточках Ку Мар. У него тоже был не очень-то весёлый вид.

— Ну, что скажешь? — спросил я возможно более бодрым тоном.

— Завтра поедешь?

— Поеду.

— А куда?

— Далеко. Сначала на Гавайи, потом в Америку.

— Зачем?

— Гм... зачем!.. Работать... Надо работать дальше...

— Делать дырки на других островах?

— На островах или на большой земле.

Ку Мар вздохнул:

— Так целый жизнь будешь делать дырки?

— Надо работать, Ку Мар. Каждый человек должен делать свою работу. Вы здесь ловите рыбу и черепах...

— О, — перебил Ку Мар, презрительно надувая губы, — рыба жарить можно, черепаха — суп варить. А твой дырка что?

— Мы с тобой не поймём друг друга, дорогой, — сказал я, обнимая его за плечи, — Люди часто не понимают один другого, и это очень плохо.

— Плохо, совсем плохо, — согласился Ку Мар.

— Поедем с нами, — предложил я.

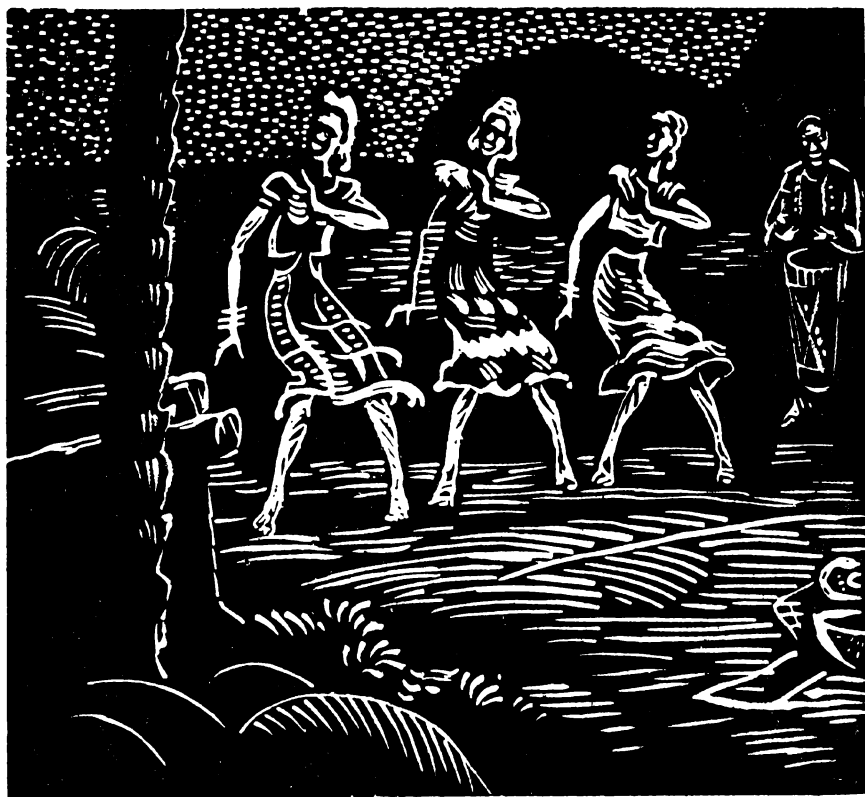
— Зачем?

— Научу тебя работать на буровом станке. Будешь ездить по всему свету и делать дырки. Заработаешь много денег...

— Нет, — серьёзно ответил Ку Мар. — Не поеду. Мне тут очень хорошо... Здесь мой мама и бабка Хмок Фуа Кукамару...

— И отец?

— Отец — нет. Он ушёл туда, — Ку Мар указал в океан, — и не пришёл назад.

— Утонул?

— Я не знаю. Никто не знает... Может, утонул, может, ушёл Америка. Назад не пришёл.

— Так поедem со мной. Может быть, мы разыщем твоего отца. Или, если захочешь, я буду твоим отцом.

— Спасибо, — сказал Ку Мар. — Нет, лучше ты приходи Муаи, когда надоест делать дырка. Приходи, пожалуйста...

— А Справедливейший? Если он не захочет принять?

— Захочет. Очень захочет.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Всё знаю. — Ку Мар хитро улыбнулся. — Ты два раза говорил с ним и даже ходил далеко туда. — Ку Мар постучал коричневым пальцем

по циновке, на которой мы сидели.

— А ты сам бывал там, в подводных пещерах внутри острова?

— О! — Ку Мар надул губы. — Каждый муаи ходил туда. Мы там ловим рыба. Там всегда самый лучший рыба. А ещё там есть школа, и книжки, и машина, которая делает свет. Много разных вещей.

— Под водой?

— Зачем под водой. Там есть много пещера без воды. Очень хороший пещера. Сухой. Там — на другой сторона острова.

— Где мы сначала хотели бурить?

— Да.

— Понимаю... Почему же

сразу никто не сказал нам об этом?

— Муаи не знал, какой вы все человек. Может, плохой человек?..

— А теперь знаете?

Ку Мар широко улыбнулся:

— Теперь знаем.

— Кто же сделал всё это: пещеры, школу, свет? Научил ловить рыбу внутри острова?

Ку Мар снова улыбнулся:

— Ты знаешь... Он говорил тебе... А пещера всегда был. Такой пещера есть и на других островах, только поменьше.

— А машина, которая делает свет?

— Машина мы привезли с другой остров, — шепнул Ку Мар, наклоняясь к самому мо-

ему уху. — Есть такой остров недалеко. Там тоже учёный человек делал дырка. Давно... Потом всё пропало. Плохой человек всё испортил. Муаи привезли оттуда много разных машина, вещи, книга. Хороший книга.

— Это Справедливейший показал?

— Он. Он всё показывал, учил. Хорошо учил. Всех учил, и большой и маленький. Муаи теперь все учёный. Учёный и сильный.

— И хитрый?

— Немножко хитрый. Каждый учёный человек немножко хитрый.

— Слушай, Ку Мар, но теперь, когда все муаи стали учёными и хитрыми, многие,

наверно, хотят уехать с острова на большую землю? И уезжают?

Ку Мар отрицательно покачал круглой курчавой головой:

— Нет. Раньше хотел уезжать, когда плохо жил. Как мой отец. Теперь нет.

— Значит, Справедливейший сделал вас всех счастливыми?

Ку Мар задумался, сморщил нос и нахмурил брови. Потом сказал:

— Я так думаю: он помог муаи, учил. А счастливый муаи стал сам. Муаи хотел стать счастливым, научился и стал... Понимаешь?

— Кажется, понимаю. А скажи мне ещё, как вы зовёте его, когда встречаетесь с ним. Вы ведь часто встречаетесь, не правда ли? Неужели каждый раз, обращаясь к нему, муаи говорят: «Справедливейший из справедливых, мудрейший из мудрых, вышедший из синих вод...» и как там дальше?

Ку Мар звонко расхохотался:

— Нет, это вы его так зовёте. Мы так не можем. Долго говорить надо. Если столько говорить, муаи ничего не успеют сделать. Мы его зовём дядюшка Гомби... — Ку Мар прижал палец к губам. — Это не говори никому. Он не хочет, чтобы это знали... И никакой другой человек пусть не знает. Обещаешь?

— Обещаю, — машинально повторил я. — «Так вот оно что: дядюшка Гомби! Ну, конечно, если бы я имел время подумать немного, не грех

было додуматься и самому...»

Ку Мар шептал мне ещё что-то в самое ухо... Я уже не слушал. Я думал об этом удивительном и странном человеке... Сила или слабость двигали его поступками? Допустим, что он помог группе островитян стать счастливыми... Но он сошёл с избранного однажды пути: встретив сопротивление, сам перечеркнул свои открытия. Отказался от борьбы с несправедливостью. А погибшие товарищи?.. Разве не его обязанностью было рассказать миру правду? Конечно, он гениальный учёный... но, остановившись на полпути, он, кажется, хочет теперь, чтобы люди забыли о его открытиях? Почему?.. Если каждый честный человек, разуверившийся в справедливости современного мира, захочет бежать на далёкие острова?.. Уход на Муаи разве не бегство? Фу, чёрт, я ведь тоже последние дни всерьёз подумываю о райской жизни на островах... Правда, не сейчас, а позднее. Но не всё ли равно!..

— ...Ты совсем не слушаешь меня, — с обидой объявил Ку Мар, отодвигаясь.

— Прости, Ку Мар. Я думал немного о разных вещах... Смотри-ка, ветер совсем стих. Стало душно. Пойдём на берег океана.

— Ступай... Приду потом...

Осторожно обходя сидящие на земле фигуры, я вышел на освещённую луной площадь. Два тёмных силуэта маячили возле веранды коттеджа. На головах у них поблёскивали

каска. Даже и в этот последний вечер вход в коттедж был по-прежнему закрыт для нас. Интересно, где сейчас Карлссон... то есть Гомби?.. Света в окнах не видно... Наверно, сидит в одной из своих лабораторий, а может быть, плавает в подводных лабиринтах острова...

Я подошёл к самому берегу и присел на шероховатый выступ кораллового известняка. Камень был тёплым. Он ещё хранил остатки дневного тепла.

Волны с лёгким шелестом набегали на влажный песок и спешили обратно сетью серебряных струй. Начинаясь отлив... Издали, с внешнего кольца рифов, временами доносился негромкий гул. Там продолжалась вечная работа прибоя. А в деревне всё пели. Теперь в хор включились и мои товарищи.

Две фигуры — большая и маленькая — вышли из тени пальм на освещённый луной белый пляж и направились в мою сторону. В маленькой я сразу узнал Ку Мара. А большая?.. Ну конечно, это был Карлссон.

— Добрый вечер, профессор Гомби, — сказал я, когда они приблизились.

— Этот маленький злодей проболтался-таки, — сказал Карлссон, положив руку на курчавую голову Ку Мара. — Цените откровенность!.. Это случилось благодаря его огромной симпатии к вам. Но и я не обманул вас. Карлссон — фамилия моей матери.

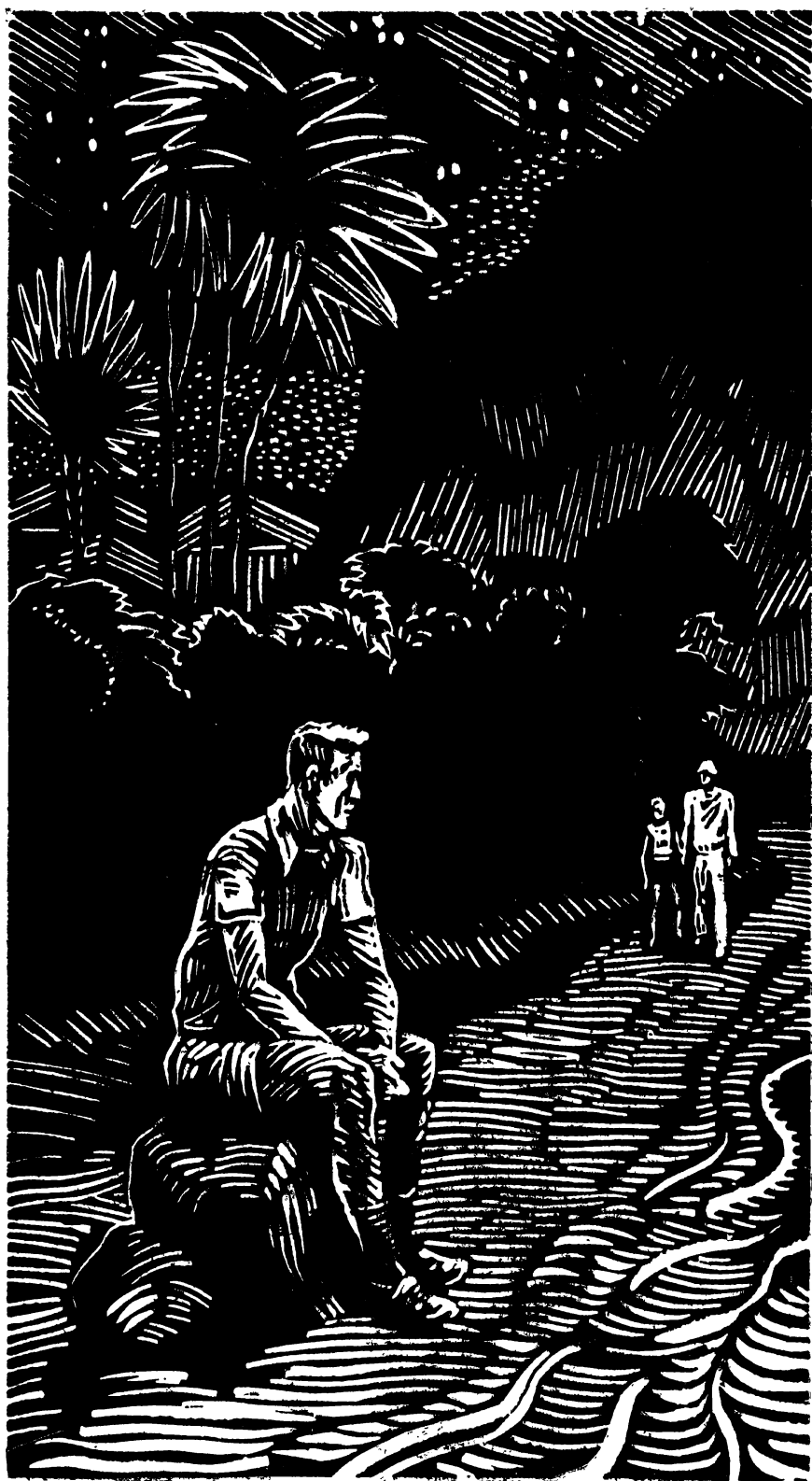
Я носил эту фамилию в студенческие годы.

— Мы видимся, вероятно, в последний раз. Позвольте задать вам ещё один вопрос, профессор... И, поверьте, не из праздного любопытства. Мне хотелось бы разобраться в собственных мыслях и... сомнениях.

— Спрашивайте.

— Почему вы отказались от борьбы? Тогда — пятнадцать лет назад?

— Ах вот что... — задумчиво протянул он и отвернулся. И он долго глядел в океан, на переливавшееся серебро лунной дороги. — На ваш вопрос не легко ответить, — сказал он наконец. — Вы, вероятно, думаете, что я просто испугался, испугался тех, кто поставил целью уничтожить меня и моих товарищей... Не торопитесь решать... Знаете ли вы, что такое ответственность за открытия? Я имею в виду ответственность исследователя. Ведь те, кто прокладывает пути в неведомое, почти всегда идут вперёд своего времени... Так вот, жизнь в какой-то момент может поставить перед учёным парадоксальный на первый взгляд вопрос: а не пора ли остановиться? Остановиться потому, что следующий шаг на пути исследований принесёт уже не блага, а неисчислимые несчастья миру и человечеству. Вспомните хотя бы об открытии ядерной энергии. Физики ухитрились получить её лет на сто раньше, чем следовало. А результат — величайшее открытие обернулось миру кош-

маром непрестанной угрозы термоядерной войны... Поймите, человечество просто не доросло до некоторых «игрушек», которые торопятся дарить учёные...

Вы вправе спросить: что всё это имеет общего с исследованиями геологии океанического дна, которыми занимался некий профессор Гомби, и с открытием кимберлитов на дне Тихого океана? Увы, кое-что общего имеет. На дне океанов таится ещё множество поразительных вещей... Мне повезло, а вернее, я имел несчастье приблизиться к загадке одной из величайших тайн Тихого океана. Я имею в виду его огненное обрамление — величайшее на нашей планете кольцо вулканов, опоясывающее Тихий океан. Что-то пугающее есть в той щедрости, с какой энергия земных недр выплёскивалась тут наружу миллионы лет. И потом — открытие кимберлитов... Вообразите себе десятки тысяч кимберлитовых трубок взрыва, похороненных под толщей океанических вод. Я начал смутно догадываться, что тут таится ключ к пониманию процессов, происходящих в недрах планеты... И вот настал момент, когда я должен был спросить себя: а не пора ли остановиться?..

Мне удалось доказать, что Тихий океан — это гигантский вулканический кратер, самый огромный кратер нашей планеты. Чудовищным извержением недавнего геологического прошлого из него был изверг-

нут сгусток глубинного вещества, образовавший Луну. То, о чём сто лет назад писал Джордж Дарвин и что впоследствии многие поколения геологов считали фантазией, оказалось истиной. Когда я подсчитал энергию вулканических выбросов Тихоокеанского кратера, мне стало страшно... Страшно за человечество, которое может протянуть руку к этой энергии и, конечно, с ней не справится...

И вот я сделал то, что на моём месте должен был сделать каждый благоразумный и честный человек Земли. Я утаил от людей своё открытие, а ключи от него похоронил в глубинах Тихого океана. Вот теперь и судите: прав ли был профессор Гомби, когда он решил снова стать Карлссоном?

— Но эта энергия, энергия недр, что она такое? — спросил я, будучи не в силах сдерживать своё любопытство.

— Об этом больше ни слова... Она — всё то, что притаилось там, в глубинах планет; чем вздыблены горы и рождены провалы морей... Взрывы величайших вулканов, землетрясения, образование алмазосных кимберлитовых трубок — это её слабые отзвуки. Энергия недр ещё страшнее той дьявольской силы, которая скрыта в смертоносных цилиндрах водородных бомб...

— Но один человек практически бессилен... И если кто-то пойдёт по вашим стопам в исследовании Тихоокеанского

дна... Сейчас организуется столько экспедиций...

— Да, конечно... Рано или поздно моё открытие кому-то удастся повторить. И если это сделают в ближайшие десятилетия, мне остаётся лишь утешаться мыслью, что человечество будет проклинать не меня.

— Но разве нельзя придумать что-нибудь?

— Я не сумел.

— Это потому, что вы один...

— Я не один, — возразил он, обнимая Ку Мара. — Со мной вот все они... И, право, мы кое-какая сила!

— Правильно, — подтвердил Ку Мар.

С ТЕХ пор минуло десять лет. И вот теперь эта газетная заметка. Муаи больше нет... «Будущее покажет...» Вот и ответ на наш спор... Нет

больше хранителя тайны Тихоокеанского кратера и его маленькой колонии. И Ку Мара нет, — Ку Мара, который за эти десять лет успел стать взрослым. А может быть, кто-нибудь из них всё-таки уцелел? Может, они все уцелели и разъехались по другим островам Тихого океана? Ведь Гомби, наверное, воспитывал их, чтобы тоже сделать хранителями тайны Тихоокеанского кратера. И, может, он сам уже вернулся на большую землю?..

Нет, кажется, я должен по-прежнему раскрывать миру тайну Муаи. Надо подождать ещё некоторое время... Год... несколько лет... Кроме того, если они действительно все погибли, им-то я уже не помогу... И ещё неизвестно, как на это посмотрит моё начальство...

Так я думал, сидя над раскрытой утренней газетой возле чашки остывшего кофе. И не знал: прав я или нет...

* ~ ~ ~ ~ ~ *

Иосиф Курлат

Настоящий вьетнамский мальчишка

Жандармы мальчишку
Двенадцать часов
Пытали
С ухмылкой звериной,
Но запер мальчишка
Язык на засов, —
Он был настоящим
Мужчиной.

— Листовки, скажи,
У кого получал?
Снабдил тебя кто
Автоматом? —
Мальчишка в ответ
Лишь молчал и молчал, —
Он был настоящим
Солдатом.

Но вот заалела
Заря за горой,
Подкравшись к тюремным
Воротам,
И принял он смерть,
Как из песни герой, —
Мальчишка тот был
Патриотом.

Народ отстоит
И свободу и честь
В боях и атаках разящих,
Когда у народа
Отважных не счесть
Таких сыновей
Настоящих!

«Держись, мой мальчик!»

Давно уже поэма К. Симонова «Сын артиллериста» занесена в школьную хрестоматию для 5-го класса. Её «проходят» по литературе. Наверное, даже пишут сочинения на тему: «Основные черты образа Лёньки». Учат наизусть рассказ о подвиге Лёньки.

Помните? «Был у майора Деева товарищ, — майор Петров...»? А были ли они на самом деле? И сам Лёнька, кто он? Литературный герой?

Обо всём этом я узнала случайно.

В один летний день 1966 года зашли к нам в редакцию два седоватых человека с мальчиком лет двенадцати. Один мужчина, указывая на другого, говорит:

— Вот, пожалуйста, я хочу познакомиться с вашим другом. О нём уже знают многие. А вот у нас в Ленинграде не знают. Расскажите о нём в газете.

— Кто же он, ваш товарищ?

— Да Лёнька — сын артиллериста. Знаете поэму Симонова? А теперь слушайте. О нём, о человеке, пришедшем из поэмы...

Только фамилия и имя были у него другие. Лейтенант Иван Лоскутов воевал на Севере, там, где волны Ледовитого океана ведут вечный спор с прибрежным гранитом. Там, где флажком выдаётся в море полуостров Рыбачий. Здесь отборные гитлеровские горнострелковые полки так и не смогли перешагнуть государственную границу СССР.

Погранзнак, сложенный из гранитных обломков, остался стоять на ничейной шестикилометровой полосе. Фашисты в злобе расстреливали его из орудий. А защитники полуострова складывали его вновь и вновь.

Так он и простоял все 1208 дней до победы.

«Гранитный линкор» — так называли Рыбачий его защитники. Здесь и совершил свой подвиг сын артиллериста — командир взвода лейтенант Иван Лоскутов.

Высоту 122,0 удерживали пятнадцать советских бойцов. А враг лез и лез. Ожесточённо. Напролом. Бросал в атаку роту за ротой. Поливал высоту огнём и металлом. За выступами скал не было видно фашистских огневых точек. А как их подавить, если не видно, если не знаешь, куда стрелять?

Выход был один: послать на высоту артиллериста-корректировщика. Дело это не простое. Потому что на севере в ту пору даже ночи не было — стоял полярный день. Темнотой не прикроешься, все у врага как на ладони. Кого послать?

Выбор пал на лейтенанта Лоскутова.

Так он шагнул в поэму.
Майор к себе вызвал Лёньку,
Взглянул на него в упор.
— По вашему приказанию
Явился, товарищ майор!...

Иван Лоскутов видел склонившегося над картой комиссара Ерёмкина и незнакомого военного с двумя шпалами в петлице. Незнакомец поднял глаза и внимательно посмотрел на лейтенанта. Так произошла их встреча. Ефим Самсонович Рыклис был старым другом Лёнькиного отца.

*Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.*

Отец часто брал Ваню в летние лагеря на полигон. А однажды мальчишке, уже подростку, удалось даже стрелять из пушки. И вот теперь 22-летний лейтенант получил от друга своего отца особое боевое задание.

— Возьмёшь двух парней, рацию и проводника из пехоты. Медлить нельзя ни минуты. Защитники высоты держатся из последних сил.

Надо было проползти под огнём

три километра. От артиллерийских позиций — до высоты 122,0. На пути ранило проводника, его отправили на батарею. От камня к камню пробирались разведчики, оберегая больше жизни рацию.

Наконец последний рубеж. Они на высоте.

С биноклем Иван Лоскутов вылез на гребень скалы, пуля вдребезги разбила прибор. Пришлось взять перископ. Составили схему целей и по радио в часть полетел первый сигнал.

Двое суток шёл бой. Подавлена вражеская батарея, несколько пулемётных точек, уничтожен отряд пехоты.

Семнадцать защитников высоты продолжали бой. Мучила жажда. В расщелинах по капле они собирали росу от ночного тумана, сливая её с холодных камней. Немцы поняли, что на высоте находится советский корректировщик. Они в ярости сжали горстку бойцов шквальным огненным кольцом. Летели земля и скалы. Столбом поднимался дым.

А по камням, всё ближе к последним защитникам высоты, карабкались и карабкались всё новые ряды солдат в мундирах мышиного цвета.

— Рус, сдавай!

И тогда лейтенант Лоскутов решил вызвать огонь на себя.

Этот сигнал принял командир полка. Он запросил разведчиков вторично. Да, сомнений не было: высота 122,0 вызывала огонь на себя. Вот в ту минуту

*Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять,
Держись, мой мальчик:
На свете два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.*

Его слова оказались заклинанием. Иван Лоскутов и его товарищи чудом уцелели. Оглохшие, измученные, они через несколько дней добрались до своих.

Всю будущую поэму они изложили в скупых строках боевого донесения: «Вернулись в полк, где нас уже считали погибшими, и доложили о выполнении задания».

Дороги войны привели в 104-й пушечный артиллерийский полк корреспондента «Красной звезды» Константина Симонова. Здесь, в землянке, майор Рыклис и комиссар Ерёмин рассказали ему историю об Иване Лоскутове. Всю ночь поэт ходил по землянке: рождалась поэма «Сын артиллериста». Ивана Лоскутова не было в части. Он ушёл на выполнение очередного боевого зада-

ния с новенькой медалью «За отвагу» на груди.

Встретиться им пришлось в годовщину 20-летия Победы.

Подполковник Иван Алексеевич Лоскутов и поэт Константин Симонов встретились в праздничной Москве.

В память об этой встрече у Лоскутова осталась книга «Солдатами не рождаются» с надписью от автора: «Ивану Алексеевичу Лоскутову в день личного знакомства с 25-летием заочной дружбы».

Иван Лоскутов прошёл всю войну, участвовал в боях в Японии. К той первой медали прибавились новые награды. Сейчас он служит на Тихоокеанском флоте. Живы и другие герои поэмы — Е. С. Рыклис, комиссар Д. И. Ерёмин. А командир батареи, которая вела огонь по высоте, А. Я. Старов — теперь уже генерал — и сейчас начинает свои письма Ивану Алексеевичу со слов: «Дорогой мой Лёнька...»

Вернулся с войны и отец Лёньки — тот, кто в поэме назван майором Петровым. Он просто был тяжело ранен, и от него долго не было вестей.

Красные следопыты из далёкого села Подберёзовцы на Львовщине, члены клуба «Звезда Гайдара», разыскали героя поэмы Ивана Лоскутова. Сотни писем летят к нему через всю нашу огромную страну, некоторые с несколько странным адресом: «Краснознамённый Тихоокеанский флот, сыну артиллериста». И представьте, доходят письма.

А. ХОХЛОВА

Рис. П. Вискова

Пишут Северный и Южный полюса...

Стоял похожий на сумерки серый декабрьский день. Время от времени налетал слабый, но ледящий ветер. Он гнал впереди себя облака снежной пыли, обдавал ею погрузочную команду, возившуюся у самолёта, и словно поторапливал: «Поскорее, поскорее, ребята, заканчивайте погрузку!»

А самолёт уже поглотил немало. Десятки разных ящиков с продовольствием и снаряжением... Втиснулись в крылатую машину две лишь накануне срубленные ёлки. Хлопот с ними было немало: их надо было погрузить так, чтобы ни одна веточка не пострадала. Вроде бы всё уже уложили... Нет, не всё. Ожидали ещё один грузовой автомобиль. Наконец-то и он подкатил.

Привёз целую груду брезентовых мешков.

— Самый главный груз! — сказал мне, глядя на них, первый пилот и загадочно улыбнулся.

Вскоре самолёту дали старт. Он взлетел, набрал высоту и лёг курсом на север.

Нет, не на Чукотку и не на острова держит путь большая ширококрылая птица. Недалеко от Северного полюса на огромных льдинах живут и работают два маленьких отряда, советских людей. Эти льдины не стоят на одном месте, а всё время двигаются вместе с другими гигантскими ледяными полями. Или, как говорят по-морскому, дрейфуют. Их несёт сильными течениями. Куда? Как? По каким законам проходит этот дрейф? Вот на эти важные для науки вопросы и должны ответить отважные учёные и полярники, которые входят в состав двух дрейфующих станций. Одна называется «Северный полюс-13», другая — «Северный полюс-15».

Вот к ним над Ледовитым океаном и летит ленинградский самолёт. Времени терять нельзя. Хорошая погода зимой в Арктике — редкость.

Штурман по радио уже переговаривается с радистом станции «Северный полюс-13». Самолёт уже на подходе к цели. Штурман зорко вглядывается в ночную бездну, простирающуюся внизу, и вскоре за-

мечает цепь огоньков и даже вспыхнувший луч прожектора.

Пилот делает большой вираж над льдиной, где расположена станция. Звучит команда. Из раскрытых люков на маленьких грузовых парашютах летят вниз ящики с подарками, плавно спускается одна из ёлок, потом устремляются вниз один за другим брезентовые мешки. Люки закрываются, самолёт совершает ещё один прощальный круг над бледно озарённой электрическими огоньками льдиной и улетает по направлению к другой дрейфующей станции — «Северный полюс-15».

На льдинах — радостное оживление. Подарки с Родины! Возволнованно бьются сердца. В ящиках всякая вкусная снедь. И даже дары далёких тропиков — золотистые апельсины из Сирии, бананы из Индии, ананасы с Цейлона. Елку уже устанавливают посреди расчищенной площадки. А полярники всё время поглядывают на брезентовые мешки, около которых хлопочет старший радист. С той минуты как они приземлились на льдине, всё их содержимое во власти старшего радиста. Вот все мешки пересчитаны и аккуратно сложены в радиорубке. То и дело сюда заглядывают полярники и спрашивают:

— Скоро ли?

— После обеда, раньше не ждите, — отвечает старший радист, вскрывая первый брезентовый мешок.

Так вот он, таинственный главный груз, которого больше всех других ждали на льдине! Потоком низвергаются на стол пачки с письмами. Из одного мешка, из другого,

из восьмого, из десятого. Не сотни, а тысячи, тысячи писем...

Неужели, — подумаете вы, — у этих одиннадцати зимовщиков такое огромное количество родных и друзей, которые прислали эти тысячи писем? Скажем, каждый полярник получил по десять писем, выйдет сотня с небольшим, а тут тысячи... Кто же это их прислал? Откуда?

Есть на свете такое беспокойное, многомиллионное племя — филателисты. Живут они и в Советском Союзе, и в далёкой Австралии, и на берегах Нила, и в жаркой Гвинее... Все они знают, что в Центральной Арктике дрейфуют две советские станции. На каждой станции есть необычное почтовое отделение. Его

почтмейстером является старший радист. У него находится почтовый штемпель дрейфующей станции. И каждому филателисту хочется положить в свой альбом необыкновенный конверт со штемпелем, на котором можно прочитать «Северный полюс-13» и «Северный полюс-15». Вот они и посылают на станции свои письма с просьбой проштемпелевать полярным штемпелем и отправить по обратному адресу. Теперь вы понимаете, почему на столе радиста выросла такая гора писем?

Весной и летом, когда наступит полярный день и солнце в течение нескольких месяцев сутками начнёт гулять по небосводу, около дрейфующих станций будут садиться самолёты. Они и заберут проштемпёванные письма и понесут на своих крыльях на Большую землю. Прибудет эта почта в Ленинград. Здесь на почтамте её рассортируют. Пачка в Австралию, другая в Гвинею, третья в Москву, четвёртая в Одессу... Так и дойдут они до своих отправителей.

И вот письмо в руках коллекционера. Смотрит он на него и думает: сколько тысяч километров оно проехало и пролетело, пока добралось до «Северного полюса-15», а потом возвратилось ко мне? Над какими городами, реками, хребтами... И побывало оно чуть ли не на самой макушке Земли. Ведь об этом красноречиво свидетельствует штемпель на нём. Приятно иметь такой конверт-путешественник в своей коллекции!

После этого рассказа у многих моих юных читателей-филателистов наверняка появилось желание пополнить свою коллекцию таким радостным конвертом. Но как это сделать?

Я приду к вам на помощь. Часть работы вы должны проделать у себя дома. Возьмите два чистых конверта и чётко надпишите свой адрес.

Конечно, в правом верхнем углу не забудьте приклеить четырёх- или шестикопеечную марку. Лучше, если вы наклеите полярную марку. Вместе с этим рассказом мы помещаем репродукции советских и иностранных полярных марок. Наклеить, конечно, надо только советскую. Но есть такие полярные марки, которые уже вышли из употребления. Их нельзя наклеивать. Употреблять можно только те почтовые знаки, которые изданы после 1961 года. На марках обозначен год их выпуска.

Когда вы приготовите эти конверты со своими адресами, возьмите чистый лист бумаги и садитесь писать письмо примерно такого содержания:

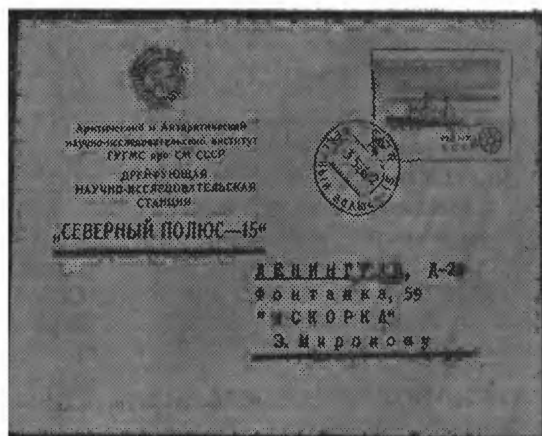
«Дорогие товарищи полярники!

Очень прошу погасить мои конверты вашим полярным штемпелем и отправить обратно по написанному на них адресу. Желаю вам новых успехов в вашей работе на дрейфующей льдине.

С пионерским приветом

*Миша СТЕКЛОВ,
ученик 6-го класса».*

Теперь конверты и письма надо отправить в Арктику. Купите или склейте сами конверт чуть побольше, чем те, на которых вы написали свой адрес. Вложите в него письмо и конверты со своим адресом. Наклейте четырёхкопеечную марку и напишите следующий адрес:

*Ленинград, Д-104, Фонтанка, 34
Арктический и Антарктический на-
учно-исследовательский институт
Дрейфующая станция «Северный
полюс-13».*

Точно такой же адрес надо над-
писать, если вы пошлѐте письмо на
другую дрейфующую станцию, но
тогда надо изменить цифры: вместо
«13» поставить «15».

Опустите письмо в почтовый
ящик, наберитесь терпения и ждите
ответа. Может быть, прѐйдѐт меся-
ца два, пока вы его получите, но
ответ будет обязательно.

Вы, вероятно, удивитесь: как же
так? Письмо вы направляете в Арк-
тику, а на конверте пишете: «Ленин-
град». Дело в том, что люди, на-
ходящиеся на дрейфующих станци-
ях, являются сотрудниками инсти-
тута. Все грузы, вся почта, адресо-
ванная зимовщикам на льдинах,
проходят через институт. Отсюда и
ваше письмо полетит в далѐкую
Арктику.

Накануне 49-й годовщины Вели-
кого Октября из Ленинградского
порта в далѐкое плавание к бере-
гам суровой Антарктиды отправил-
ся полярный корабль «Обь». Когда
вы будете читать этот рассказ,
«Обь» уже достигнет цели и выса-
дит на ледяной континент новую
смену зимовщиков. Там, в этой
стране вечного холода, есть не-
сколько наших станций: Мирный,
Восток, Новолазаревская и Моло-
дёжная. На каждой из этих станций
имеется своё маленькое почтовое от-
деление со своим штемпелем. Если
вы хотите получить письмо с таким
штемпелем для своей коллекции, вы
можете это сделать точно так же,
как с дрейфующими станциями в
Арктике. Вложите конверты со сво-
ими адресами в письмо, и на на-
ружном конверте надпишите такой
же адрес, какой напечатан выше.
Только в этом случае вы, конечно,
должны будете вместо «Северный
полюс-15» надписать:

**ЮЖНОПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ
МИРНЫЙ** (или Восток, Молодёж-
ная, Новолазаревская).

Хотя «Обь» уже увезла почту в
Антарктиду, но может случиться,
что туда полетят самолѐты и, мо-
жет быть, успеют захватить ваши
письма.

В заключение коротко расскажу
о тех полярных марках, которые на-
печатаны в этом номере «Искорки».
Почти каждая из них рассказывает
о каком-нибудь событии из истории
открытия человеком Северного и
Южного полюсов, исследования ог-
ромных районов Арктики и Антарк-
тики.

В прошлом году вышла марка,
посвящённая 50-летию арктическо-
го посѐлка Диксон. Полвека назад
здесь была открыта первая русская
полярная радиостанция. Теперь
Диксон крупный арктический порт.

Тридцать пять лет назад в Арк-
тику вылетела экспедиция на боль-
шом дирижабле-цепелине. На
Земле Франца-Иосифа, в бухте Ти-
хой (найдите эти места на карте)
произошла встреча дирижабля с ле-
доколом «Малыгин». Этот момент
тоже изображѐн на марке.

Академик Отто Юльевич Шмидт — очень крупный учёный. Не так давно в его честь была выпущена специальная марка. Но впервые его портрет появился на марке челюскинской серии. Ледокольный пароход «Челюскин» был раздавлен льдами в 1934 году, а экспедиция во главе со Шмидтом высадилась на льды Чукотского моря. На почтовом знаке рядом с портретом учёного и изображён ледовый лагерь Шмидта.

Заключительная марка этой серии изображает лагерь после того, как

лётчики вывезли всех на Большую землю. Все марки челюскинской серии слывут как редкие.

В 1937 году четыре советских четырёхмоторных самолёта совершили посадку на Северном полюсе и водрузили на нём флаг Страны Советов. На полюсе осталась четвёрка отважных зимовщиков — Папанин, Кренкель, Ширшов и Фёдоров. Это была первая советская дрейфующая станция. Кстати, радист этой станции Эрнест Кренкель — страстный коллекционер марок и конвертов. Он является председателем Всесоюзного общества филателистов.

В 1937 году через Северный полюс из Советского Союза в США пролетел самолёт, на котором находились советские лётчики Чкалов, Байдуков и Беляков. В честь крылатых героев была выпущена серия марок.

Позднее на льды Арктики для научных работ год за годом высаживались полярники, создавались дрейфующие станции. Самая последняя станция — это «Северный полюс-15». О том, как выглядит такая станция, рассказывают два почтовых знака из специальной серии, выпущенной в честь героев-полярников.

Полвека назад в Арктике работали маленькие, слабосильные ледоколы. Два из них, «Таймыр» и «Вайгач», вы видите на левой стороне сдвоенной марки (филателисты называют такой сдвоенный почтовый знак сцепкой). А на правой стороне изображён самый сильный ледокол в мире, атомный богатырь «Ленин», которому не страшны никакие льды.

Царём Арктики называют белого медведя. Он изображён на марках многих стран. Мы помещаем канадский почтовый знак. Хотя белый медведь и хищник, но охотиться на него в районах советской Арктики запрещено, так как этих зверей осталось очень мало.

На норвежской марке вы видите маленькую географическую карту. Это расположенный в арктических широтах архипелаг Шпицберген (найдите его на карте). В своё

время на Шпицбергене открыли залежи первоклассного угля. Там в трёх местах работают советские полярные шахтёры. Переход грузовоза, наполненного арктическим углем, со Шпицбергена до Мурманска длится не более трёх суток.

Теперь мы с вами перекочем в южное полушарие к берегам Антарктиды. 145 лет назад из Кронштадта вышли в плавание два шлюпа «Мирный» и «Восток». Русские моряки первыми открыли берега далёкого, в то время неизвестного, ледового материка. В их честь уже дважды выпускались почтовые марки. На знаке, выпущенном в 1965 году, изображены идущие на всех парусах русские военные корабли.

Пятьдесят пять лет назад норвежский путешественник Руал Амундсен на собаках первым достиг Южного полюса. На марке в честь открытия отважного полярника изображён момент поднятия флага на южной макушке нашей планеты.

В прошлом году исполнилось десять лет с того дня, когда советские полярники высадились на льды Антарктиды и организовали свои научные полярные станции. В память об этом событии наша почта выпустила очень красивую сцепку из трёх марок. На центральном знаке изображена карта Антарктики. На карте названия наших станций: Мирный и Восток (они названы так в честь первых русских шлюпов, достигших берегов Антарктиды), Молодёжная и Новолазаревская. На левом знаке художник воспроизвёл дизель-электроход «Обь» — советский корабль, кото-

рый нынче в одиннадцатый раз направился к далёкому континенту. На правом знаке изображены мощные вездеходы, с помощью которых наши южнополярные зимовщики совершают дальние переходы по неизведанным районам Антарктиды.

Пингвин — главный обитатель Антарктиды. Эту интересную, любознательную птицу мы можем увидеть на полярных марках многих стран. Пингины живут колониями по несколько тысяч птиц.

На одной из марок вы видите санно-тракторный поезд. Он состоит из мощных тягачей-вездеходов и прицепов. На прицепах устроены домики, в которых живут во время путешествий по Антарктиде наши полярники. На таком поезде они однажды проделали огромный путь по ледяной пустыне: из Мирного до Южного полюса.

По дороге к полюсу поезд остановился на нашей станции Восток. Это самое холодное место на нашей планете. Тут зарегистрировали температуру минус 88 градусов. Взгляните на марку. В полузасыпанных снегом домиках, при страшных морозах, советские полярники несут свою трудную вахту.

В водах Антарктики водится много китов. Охота на этих самых крупных в мире животных производится специальными китобойными

экспедициями. На марке вы видите главную плавучую базу такой экспедиции — «Советская Украина». А рядом маленькие, но быстрые судёнышки. Это — китобойцы, ведущие огонь из гарпунных пушек по китам.

На одной из марок вы видите два самолёта. Нынче не только на кораблях, но и на огромных самолётах поддерживается связь нашей

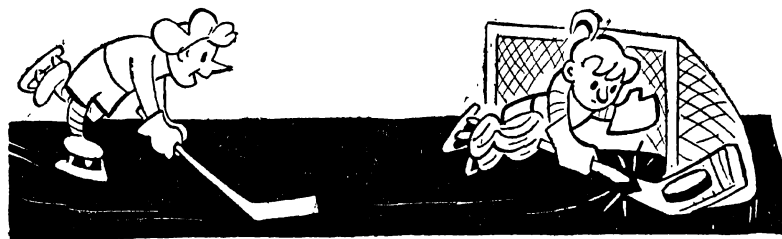
страны с Антарктидой. В полярной авиации работают опытейшие лётчики. Они летают на самых лучших воздушных кораблях, преодолевая огромные расстояния без посадки.

Вот как много интересного можно увидеть на марках, если рассматривать их внимательно, стараться получить ответы на все непонятные вопросы.

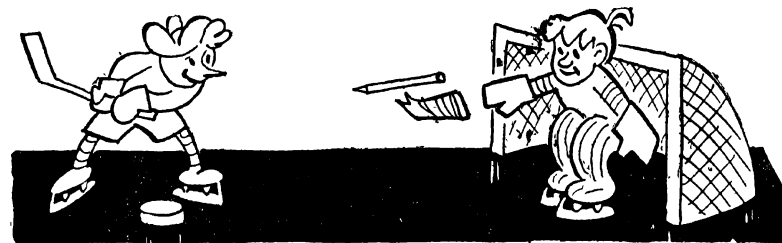
Э. МИРОНОВ

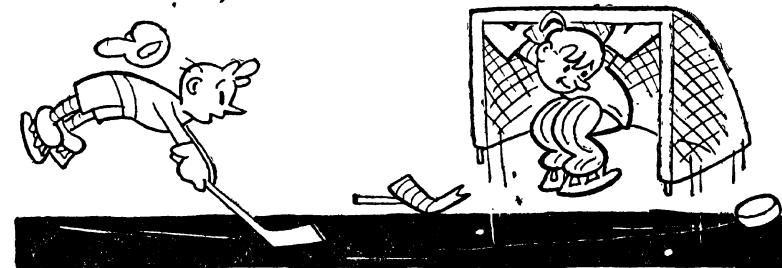
УДАР!

БРОСОК!

Эх, клюшку жалко...

РАЗ КЛЮШКИ НЕТ — НУЖНА СМЕКАЛКА.

Рассказ в рисунках Н. ЗВЕРЕВА.

КУЗНЕЧИК

Настало жаркое лето.

Забрался кузнечик на травинку и застрекотал.

«Здорово у меня получается», — подумал он и пострекотал ещё. Ещё больше понравилось. Кузнечику даже показалось, что деревья перестают шуметь, когда он стрекочет.

С этого момента кузнечик замолкал, только чтобы перевести дух.

Пол-лета Кузнечик строил, и вдруг стало ему скучно.

«Что ж это я всё один да один? Тот, кто стрекочет, как я, будет моим другом!» — решил он и поскакал.

Попалась ему навстречу Корова.

— Пострекочите, пожалуйста, — попросил Кузнечик.

— Му-у-у, — заревела Корова так, что эхо пронеслось над лесом.

— Не умеете, — сказал Кузнечик и поскакал дальше. Скакал, скакал и встретил Щенка.

— Вы не могли бы пострекотать?

— Могу, — сказал Щенок. — Ав-ав — ну как?

— Немного не так, — сказал Кузнечик и скорее прочь.

Скоро Кузнечик встретил Стрекозу. Большие зелёные глаза, прозрачные крылышки. Очень понравилась она Кузнечику.

— Пострекочите, пожалуйста! — обратился он к ней.

Но Стрекоза только строила глазки и крутила головой.

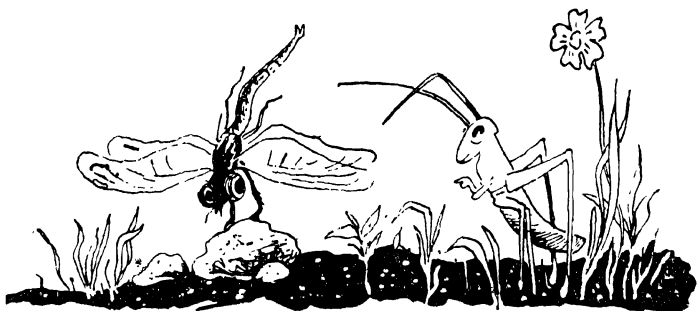
«Смешная, даже мычать не умеет», — подумал Кузнечик и — дальше.

Наконец он устал, сел и подумал: «Нет, видно, для меня друга».

И только тут впервые услышал, что воздух наполнен стрекотанием кузнечиков.

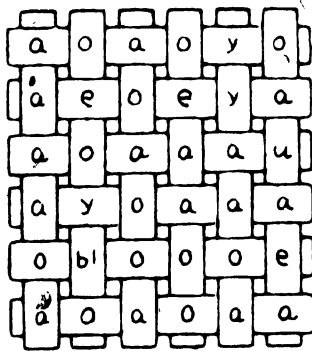
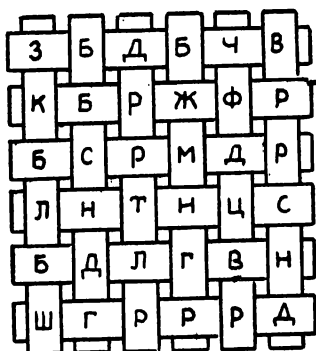
Казалось, вместо травы выросли длинные зелёные кузнечики, и все они стрекочут, стрекочут...

«Как их много! — удивился Кузнечик. — И все стрекочут. Кто же мне из них друг?»

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

(Любителям занимательных задач)

Перед нами — две «плетёнки». Получились они так: на одинаковых полосках написали какие-то слова, из шести букв каждое, а затем полоски переплели «рогожкой», отчего часть букв «спряталась». Предлагается восстановить написанные слова, пользуясь видимыми буквами и учитывая невидимые...

Наши читатели неоднократно имели дело с подобными задачами.

Решая предложенные здесь плетёнки, вы заметите, что с левой фигурой иметь дело значительно проще, чем с правой (советуем сперва заняться правой фигурой, а затем уже левой). Заметьте вы и ещё одно свойство правой плетёнки: её решение **неоднозначно**, то есть можно подыскать **различные** слова, удовлетворяющие условиям задачи. Например, на второй сверху гори-

зонтальной ленте можно написать: лебеда, телега, пелена, белена, беседа, резеда и т. д. В левой же плетёнке, пожалуй, только на одной ленте можно написать либо «оратор», либо «кратер», тогда как остальные одиннадцать лент потребуют **вполне определённых** слов, которые не удастся заменить другими...

Различие задач объясняется тем, что в одном случае известен «согласный костяк» слов, в другом же, напротив, — их гласные буквы. Согласные буквы точнее характеризуют слово. Если известен костяк согласных букв, то восстановить слово не составит особого труда, тогда как по гласным буквам это не только труднее, но обычно даже невозможно.

Приведём интересную табличку:

Б-л-р-н-	-а-е-и-а	г-н-т-к-	-е-е-и-а
б-т-н-к-	-о-а-и-а	г-л-б-к-	-о-у-и-а
в-р-т-н-	-е-е-е-о	г-р-ш-н-	-о-о-и-а
в-л-к-ш-	-а-а-и-а	б-с-р-н-	-и-е-и-а
г-л-н-щ-	-е-и-и-а	в-р-н-ц-	-е-е-и-а
г-р-д-щ-	-о-о-у-а	в-л-к-т-	-о-о-и-а
б-р-н-н-	о-е-и-ь	г-п-т-з-	-и-о-е-а
в-л-ч-н-	-о-е-и-е	г-р-м-к-	-о-е-ы-а
в-д-в-л-	-о-о-и-е	г-с-н-ц-	-у-е-и-а

Можно уверенно сказать, что вы с лёгкостью восстановите любое слово в любой нечётной колонке, тогда как чётные колонки доставят немало хлопот... Проверьте это.

Небезынтересно заметить, что примеры здесь ни в какой мере не выбирались: они выписаны в алфавитном порядке из списка восьмибуквенных слов с правильным чередованием гласных и согласных.

«Силу» согласных букв, их способность ярко характеризовать слово, можно заметить в первоначальных системах письменности.

Прообразом письменных сообщений служило **сперва рисуночное пиктографическое** письмо, напоминавшее собою рассказ в картинках. В этих сообщениях изображались **те самые предметы, о которых шла речь**: если охотник хотел поведать потомству или отсутствующим в данный момент друзьям, что в районе Двух озёр он за три дня охоты убил стрелой из лука двенадцать бобров, то он рисовал два озера, три солнца, двенадцать бобров, стрелу... Пиктографическое рисуночное письмо передавало общий смысл сообщения, никак не определяя слов, которыми оно может быть высказано. Такое письмо мог «прочесть» каждый, даже если ему не был известен язык автора письма. Но возможности такого письма были крайне ограничены, и оно очень скоро перестало удовлетворять нужды растущего человеческого общения.

Постепенно письмо «озвучивалось»: фонетизировалось, как говорят учёные. Оно было по-прежнему рисуночным (ведь букв ещё не было!), но теперь рисовалось **вовсе не то, о чём шла речь**, — в рисунке был важен не смысл его, а **звучание слова**, обозначающего этот рисунок, и прежде всего — звучание входящих в него **согласных букв**. Поясним это примером: желая «написать» слово УРОК, рисовали, скажем, рака, и этот рисунок озна-

чал только комплект входящих в него согласных звуков: ...Р...К. Получателю письма предоставлялось решать, что именно написал автор: рак, арка, рука, ярко...

Как видите — сплошные ребусы!.. Да, конечно, читать такое письмо было нелегко. Но пишущий старался как-то облегчить труд читающего, употребляя, например, знаки-подсказки: скажем, волнистая чёрточка возле нарисованного «рак» указывала, что читать надо «река»... Такие знаки-подсказки применялись широко. Кроме того, ни один из способов «предписья» не употреблялся в чистом виде, — в нём соседствовали и пиктографические рисунки, передающие смысл слова, и условные изображения, означающие определённые звуки языка, и многое другое.

Не углубляясь в рассмотрение сложного вопроса о возникновении и развитии письма (об этом можно прочесть в интересных и обстоятельных книгах В. Истрина «Возникновение и развитие письма», и Э. Добльхофера «Знаки и чудеса»), возвратимся к заинтересовавшей нас детали.

«Согласный костяк» достаточно точно характеризует не только отдельные слова, но и целые фразы. Если очень трудно, почти невозможно догадаться о смысле фразы по извлечённым из неё гласным буквам:

-а-о-а -о-о-е -о-о-а,

то согласные намного облегчают эту задачу:

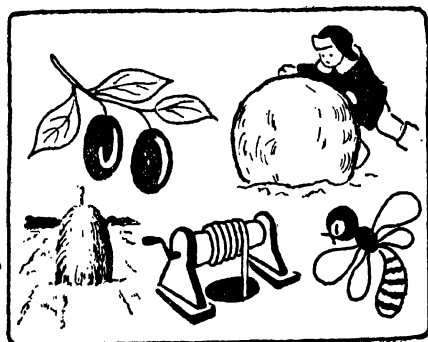
р-б-т д-р-ж- з-л-т-

Ещё несколько примеров:

-з-скр- в-зг-р-тс- пл-м-
д-бр-- с-в-т к- вр-м-н- х-р-ш
б-р-г- ч-ст- см-л-д-

А теперь мы предложим любителям занимательных задач прочесть

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО:

В отличие от ребусов, в названиях изображений нас теперь интересуют только согласные буквы. Выделим их

СЛиВы КоМ СтоГ ВоРоТ оСа

Исключим из записи гласные, чтобы они нас не отвлекали:

С Л В К М С Т Г В Р Т С

Если известно, что в предложенном рисуночном письме была зашифрована пословица, то (не без усилий, правда, но на то ведь мы и любители занимательных задач!) можно прийти к решению:

Слово к месту говорится.

Это рисуночное письмо поставьте прочесть сами:

Вам нужно, следовательно, сделать следующее:

1) определить название каждого рисунка и выписать все входящие в него согласные буквы;

2) если какой-нибудь рисунок перевернут или возле него выписаны цифры, указывающие на необходимость переставить буквы, — проделать это (подобно тому, как это принято в ребусах);

3) исходя из общего содержания рисуночного письма (в этом случае, например, вам известно, что зашифрована пословица), вписать необходимые гласные (а также «и» краткое, твёрдый и мягкий знаки, если это требуется) и восстановить полный текст;

4) прислать решение в редакцию и написать своё мнение — интересно ли разгадывать подобные «рисуночные письма» и нужно ли их помещать в «Искорке» впредь.

Русская берёзка в Антверпене

(Текст к рисункам на 3-й странице обложки)

СЛАВА о маленьких художниках из города на Неве впервые прогремела три десятилетия назад. На Всемирной Парижской выставке в 1937 году гравюры и акварели воспитанников Ленинградского дворца пионеров получили главный приз.

Не отстает и нынешнее поколение юных художников. Многие из них получили золотые и серебряные медали на международных конкурсах детского рисунка в Индии и Финляндии, Швеции и Италии.

Нашим ребятам есть где учиться рисовать. В каждом Доме пионера открыта своя изостудия. Есть рисовальные кружки в школах. Но особенно многолюдно бывает в изостудии Дворца пионеров.

Чтобы представить круг интересов юных художников, достаточно осмотреть рисунки, побывавшие летом прошлого года в Антверпене. Этот бельгийский город — побратим Ленинграда. На акварельных рисунках и гравюрах жители Антверпена увидели судостроительную верфь и постройку нового моста, ледоход на Неве и автомобильные гонки, праздничный салют и железнодорожную станцию, штурм Зимнего дворца и, конечно, космос.

Есть темы, которые волнуют всех детей без исключения. Но у каждого есть и своя собственная.

Сейчас Саше Калюжному 9 лет, а рисовать он начал три года назад. Предпочитает сказки, в которых речь идет о животных. Вместе со своими товарищами из Дома пионера и школьника Ленинского района Саша часто бывает в зоопарке и делает зарисовки зверей и птиц. По воскресеньям вместе с отцом будущий Ватагин отправляется в Зоологический музей и, раскрыв альбом, заполняет его рисунками.

Если же говорить о баталиях, то здесь вряд ли найдется кто-либо, способный соперничать с пятиклассником Сашей Красновым. Его «стаж» — тоже три года. Полтора года Саша был совершенно равнодушен ко всему, что происходило в изостудии Дворца пионеров. Руководитель её С. Д. Левин хотел было распрощаться с мальчишкой, который сам ничего не делал и мешал другим. И вдруг Саша увидел фильм о легендарном полководце Чапаеве. На очередное занятие он принёс рисунок, изображающий Чапая, мчащегося на лихом коне. В высоко поднятой руке полководец держал сверкающий клинок, за его спиной, словно крылья, развевались полы бурки. А позади надвигающаяся лавина чапаевцев. С тех пор Саша Краснов стал общепризнанным баталистом. С удивительным упорством и знанием дела он рисует древних русских воинов князя Игоря и гладиаторов с их предводителем Спартаксом, сражения древних и нынешних времён.

У некоторых взрослых существует совершенно обидное для девочек мнение, будто они больше всего любят рисовать цветочки и детские головки. В крайнем случае — пейзажи. Действительно у восьмиклассницы Тани Баркаевой выбрали для Антверпена рисунок «Осень», где на первом плане изображены русские берёзки. Но ведь это не главная тема Тани. Когда Тане был всего один год, родители привезли её летом в древнюю Печору под Псковом. Там будущую художницу впервые посадили на лошадь. С пяти лет Таня уже стала самостоятельно ездить верхом, отправляясь в ночное. Неудивительно, что у Тани накопилась большая коллекция рисунков с лошадьми. Она изображает их целыми табунами.

Живут юные художники Дворца пионеров очень дружно. Часто они покидают стены своей студии и отправляются для зарисовок в сады и парки Ленинграда, на набережные. А летом выезжают за город. Жизнь идёт, как в лагере. В город возвращаются загорелые, окрепшие, с массой впечатлений и альбомами, полными рассказов-рисунков о родном крае.

Вовсе не обязательно, чтобы все они стали впоследствии художниками или архитекторами. Ни одной из тысячи профессий не помешает умение рисовать, разбираться в искусстве, ценить и понимать его.

В Антверпене побывало 60 рисунков. На 3-й странице обложки напечатаны репродукции шести из них: «Осень» Тани Баркаевой, «Постройка моста» Бориса Берлина, «Красная шапочка» Оли Смирновой (Сестрорецки), «В порту» Марка Каплана, «Выход Леонова из корабля» Саши Таратута и «Зимний день» Васи Низовцова (Смолянинский Дом пионеров).

Н. САДОВЫЙ

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

УВАЖИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Один из служащих Национального заповедника Уганды, опоздав на работу, в объяснительной записке дирекции заповедника написал:

«Как обычно, я выехал из дома ещё затемно и благополучно миновал половину пути, но тут дорогу мне преградила слониха, расположившаяся на отдых вместе со слонёнком. Мне пришлось сойти с велосипеда и обойти её кустами. Но не успел я сделать и двух шагов, как столкнулся с носорогом. Не помня себя от страха, я вскарабкался на дерево. Когда я решил, что опасность миновала и можно спускаться, то увидел, что именно под этим деревом залегли на отдых

лев и львица. Мне пришлось отсиживаться до тех пор, пока дневной свет не прогнал зверей подальше от дороги. Вот поэтому я и опоздал на работу».

ИМПЕРАТОР... РЕСПУБЛИКИ!

Как известно, Наполеон провозгласил себя императором в 1804 году. Однако на французских монетах вплоть до 1809 года продолжали чеканить слова «французская республика», а на оборотной стороне монеты, вокруг головы нового монарха, четко выделяется — «Император Наполеон». Так как же всё-таки: республика или империя!

Оказывается, став императором, Наполеон не спешил с большими переменами в конституции. Он просто сделал к старому Основному закону приписку: «Управление Республикой вверено Императору».

Так и была во Франции в течение почти пяти лет империя «оборотной стороной» республики.

В Стокгольмском порту 24 апреля 1961 года с 32-метровой глубины поднят королевский фрегат «Ваза», пролежавший на морском дне 331 год и 10 дней.

...В 1628 году новый фрегат королевского флота должен был выйти в свой первый рейс, но он был построен по

САМЫЙ ДРЕВНИЙ ВОЕННЫЙ КОРАБЛЬ

неверным размерам, указанным королём (нижняя часть чересчур узка по отношению к высоте верхней части), и при первом же порыве ветра перевернулся...

Фрегат имеет в дли-

ну 50 метров, вооружён 64 пушками. После подъёма он должен несколько лет сохнуть в специальном помещении, а потом его устанавливают в музей. По утверждению учёных, «Ваза» — самый древний военный корабль, сохранившийся до наших дней в целом виде.

...учёные утверждают, что 10—20 тысяч лет назад Северная Америка и Азия составляли единое целое? В ту пору человек пришёл из Азии в необитаемую Америку и обосновался там. Мореплаватели, приплывшие из Европы, воображали себя носителями «цивилизации». Они были немало посрамлены, обнаружив самобытную культуру, хорошо спланированные города, гигантские пирамиды и храмы, алфавит, календарь и многое другое. Среди городов выделялась столица государства ацтеков, в которой проживало 300 тысяч жителей и насчитывалось 70 тысяч домов. Эта столица, заложенная ацтеками в 1325 году, стала столицей нынешней Мексики.

★

...хирурги центрального госпиталя Жуан Песона (Бразилия) извлекли из желудка Антонио Педро де Сильва... 280 гвоздей, 22 лезвия бритв и несколько кнопок? Такой запас «металлолома» накопил Антонио за 60 лет своей жизни. В молодости он, для развлечения друзей, глотал всевозможные режущие и колющие предметы. Однажды он проглотил даже часы. К сожалению, их так и не нашли в его желудке.

★

...озёра бывают из... асфальта? Такие озёра встречаются в Мексике, на Кубе, в Венесуэле. Особенно их много на островах в Карибском море. Внешне они мало похожи на водоёмы. Вода в них скапливается только во время дождей. В сухой сезон эти озёра напоминают растянутую гигантскую слоновую шкуру — серо-чёрную, сморщенную и потрескавшуюся. Образуются они из нефти на местах бывших грязевых вулканов. Нефть из подземных «кладовых» просачивается на поверхность и испаряется. Остаток — асфальт.

★

...цвет оказывает благотворное воздействие на психику, а значит, и на трудовую деятельность человека? Исследования показали, что сеансы колеротерапии (так называется лечение цветом) оказались благотворными не только при лечении психических расстройств, но и некоторых глазных болезней, причём установлено, что розовый цвет на 10 процентов «производительнее» жёлтого.

★

...советский археолог Л. Соловьёв обнаружил в

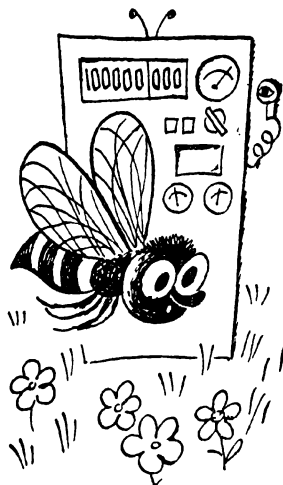
горах Кавказского хребта стоянку человека каменного века? Он открыл её недалеко от города Сухуми в пещере, которую местное население называет Хупунийшахва, что по-абхазски означает «холодный грот». Учёный полагает, что найденные им в гроте кости принадлежат человеку, который жил 15 тысяч лет назад.

★

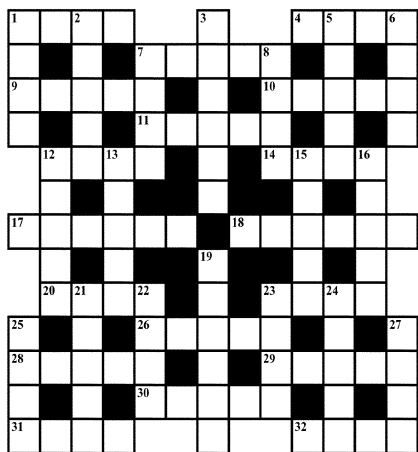
...в 1940 году грузинские альпинисты подняли и установили на вершине Казбека бюст С. М. Кирова? Казбек — одна из самых высоких гор Кавказа (5043 метра). Это памятник, установленный на самом высоком месте земного шара.

★

...учёным ФРГ удалось установить точное число пчёл на пасеке? Решить эту трудную задачу помогла счётная машина. У летков ульев были установлены миниатюрные фотоэлементы, соединённые со счётной машиной. Утром и вечером каждая пчела сама отмечалась у электронного вахтёра. Подсчёты, проведённые на одной из самых больших пасек ФРГ, дали астрономическую цифру. Оказалось, что её «население» равняется ста миллионам пчёл.

(Составил С. ПИЛЬДОН)

По горизонтали. 1. Крупная птица. 4. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 7. Змея. 9. Объявление о предстоящем спектакле. 10. Опора, поддержка. 11. Насекомое. 12. Чувство меры, умение вести себя. 14. Точное календарное время свершения какого-либо события. 17. Часть круга. 18. Охотничья собака. 20. Орфографический знак. 23. Повозка. 26. Дав-

(Вова ЕРШОВ и Наташа
МОНЕТЧИКОВА, 87-я школа)

В	К	П	Р
Е	А	О	Н
Л	Д	И	С

Ходом шахматного коня здесь можно прочесть название басни великого русского баснописца Крылова.

Начиная с буквы, лежащей в левом верхнем углу фигуры, нужно обойти все клетки, не пропустив ни одной и нигде не побывав дважды.

Может быть вам известно, в связи с каким событием была написана эта басня?

Отдел ведёт В. Акентьев

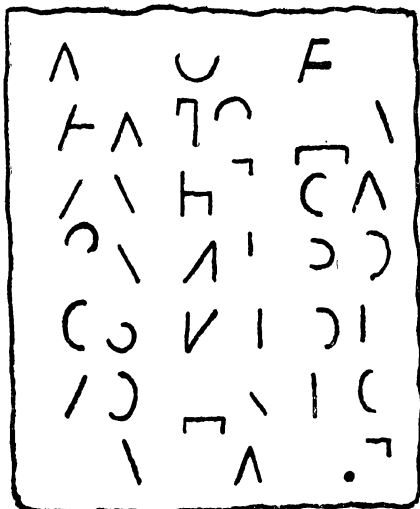
ление, нажим. 28. Часть ноги. 29. Химическая посуда. 30. Дорожка. 31. Часть корпуса струнного музыкального инструмента. 32. Птица.

По вертикали. 1. Атмосферные осадки. 2. Женское имя. 3. Коновод, предводитель. 5. Водитель самолёта. 6. Войсковое подразделение. 7. Международный договор. 8. Северный ветер. 12. Объединение родственных предприятий. 13. Небольшое судно. 15. Создатель произведения. 16. Площадка для цирковых представлений. 19. Искусственное волокно. 21. Домашняя птица. 22. Пушной зверь. 23. Свод, дугообразное перекрытие. 24. Хлеб. 25. Часть колеса. 27. Изделие из багета.

(Составил Коля ЦОЛЬФРАНК)

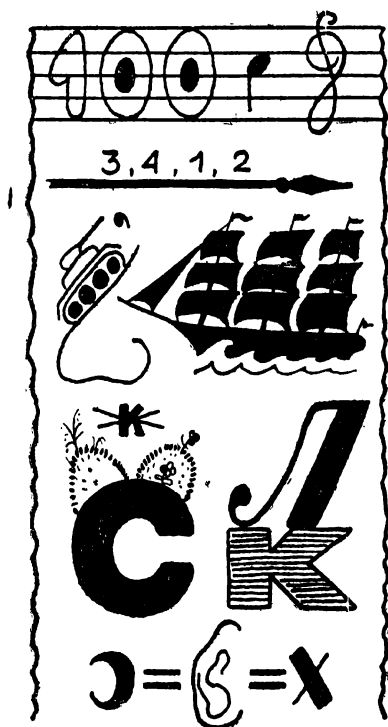
Здесь зашифрована пословица.

Особенной сложности в шифре нет, но подумать всё же придётся, наверное...

ВЕСЕЛЫЙ РЕБУС

(Составил Андрей ПАРСАКОВ)

Разгадав ребус, вы прочтёте строки из шуточного стихотворения, печатавшегося в «Искорке»...

НА РАВНЫЕ ЧАСТИ

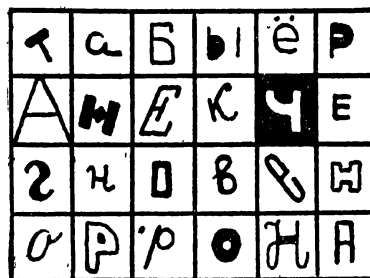
(Составила Вера ЗАВОЙКИНА)

Эту фигуру нужно разделить на четыре части — равные по величине и одинаковые по форме.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

(Составила Лида ПОЗНЯК,
222-я школа)

Здесь все буквы — разные. Но одна из них всё-таки отличается чем-то от всех других...

Начиная с этой буквы, с помощью непрерывной ломающейся линии прочтите загадку. (Линия нигде не должна пересекаться!)

А разгадать загадку будет уже не трудно.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 2)

КРОССВОРД

1. Пророков. 2. Тростник. 3. Субботин. 4. Конаково. 5. Квадрант. 6. Автоклав. 7. Отросток. 8. Директор. 9. Привалов.

РЕБУС

Одна капля добра убивает океан зла.

ШАРАДА

Кар+тина=картина.

АНАГРАММЫ

1. Великобритания. 2. Гватемала. 3. Болгария. 4. Гондурас. 5. Пакистан.

ЧАЙНВОРД

1. Орёл. 2. Лев. 3. Ворон. 4. Налим. 5. Мул. 6. Лещ. 7. Щегол. 8. Лягушка. 9. Аист. 10. Тигр. 11. Рябчик. 12. Кролик. 13. Крокодил. 14. Лама. 15. Акула.

ХИТРЫЙ РЕБУС

«Саша».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Март. Стихотворение А. Крестинского	1
Тряпочка в левом рукаве. Рассказ Евгения Воеводина	2
Иван да Марья. Рассказ Г. Шахновича	11
Перед физкультурой. Стихотворение М. Либина	14
Пыся. Рассказ С. Сахарнова	15
У нас в гостях — поэты Белоруссии	22
Тихоокеанский кратер. Окончание повести А. Шалимова	24
Настоящий вьетнамский мальчишка. Стихотворение И. Курлата	44
«Держись, мой мальчик!» Статья А. Хохловой	45
Пишут Северный и Южный полюса... Статья Э. Миронова	48
Кузнечик. Сказка Ю. Степанова	55
Рисуночное письмо	56
Русская берёзка в Антверпене. Статья Н. Садового	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Идёт!..».

На 2-й странице обложки фоторепортаж Н. Карасёва «Волховстрой», стихи Л. Хаустова.

На 3-й странице обложки — «Русская берёзка в Антверпене». (Рисунки ленинградских ребят).

На 4-й странице обложки рисунок художника В. Меньшикова «Точно в цель!».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

М-16885 Сдано в набор 26/І 1967 г. Подписано к печати 10/ІІІ 1967 г. 4 печ. л.
Заказ № 269. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 74 600 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

РУССКАЯ БЕРЕЗКА В АНТВЕРПЕНЕ

